

Ансельм Кентерберийский ПОЧЕМУ БОГ СТАЛ ЧЕЛОВЕКОМ

Предисловие научного редактора

Трактат, предлагаемый ныне читателю, и впервые переведенный на русский язык, принадлежит перу глубокого мыслителя и знаменитого богослова Запада Ансельма Кентерберийского, известного также под именем Ансельм д'Аоста. Он прожил достаточно долгую жизнь, семьдесят шесть лет (1033-1109), наполненную плодотворным трудом. Родился Ансельм во Франции, в местечке Аоста, в благородной семье. Его жизнь перевернулась после ранней трагической смерти матери. Он оставил отчий дом и стал скитаться по всей Франции, переходя от одного монастыря к другому, пока наконец не остановился в одной бенедиктинской обители в Нормандии. Став монахом Бенедиктинского ордена, Ансельм принимается за богословскую работу. В 1076-1077 году он пишет труды, обессмертившие его имя, - "Монолог", "Коллоквиум", "О грамматике", "О свободе воли", "О падении", "О Троице" и, наконец, - трактат "Cur Deus Homo", "Почему Бог стал человеком" или "De incarnatione Verbi" - "О воплощении Слова". В 1093 году Ансельм, благодаря своей учености и авторитету становится архиепископом Кентерберийским, практически возглавителем Английской церкви. Умер в 1109 году.

В истории философии Ансельм знаменит благодаря своим апостериорным и априорному, или онтологическому, доказательствам бытия Божия. Апостериорные доказательства связаны с идеями Блага, Величины, Бытия как целого Совершенства. Все эти доказательства объединяет понятие абсолюта, от которого зависят относительные Благо, Величина, Бытие, Совершенство, и этот абсолют - Бог. Гораздо более красивым и убедительным представляется его априорное доказательство, согласно которому, мысля о Боге, мы уже свидетельствуем о его существовании. Почему же? Даже если безбожник или безумец говорит "Бога нет", он свидетельствует, что Бог существует в его уме, по крайней мере, в момент мысли (действительно, необходимо, чтобы существовало нечто, что ты опровергаешь, по крайней мере, ноуменально). Отрицание относится не к субъективной действительности, а к объективной: "Бога нет" в реальности. Но поскольку принимается определение Бога как Того, Кто превосходит все мыслимое, и при этом отрицается Его бытие вне интеллекта, значит, в реальности существует нечто большее, чем Бог, а следовательно - мы приходим к тупику мысли и неизбежно доказательство бытия Божия, действительно онтологическое по сути. Оно именуется симультанным, поскольку для Ансельма мысль о Боге и признание Его существующим - одномоментные действия. Несмотря на критический разбор этих доказательств Кантом, они до сих пор занимают почетное место в западной философии и западной католической апологетике.

Перейдем к трактату "Почему Бог воочеловечился" - Cur Deus Homo.

Во-первых, это апологетический трактат, направленный против "возражений неверных", которые смеются над христианской верой и считают, что Бог не мог унижить себя до всего того, что перенес Христос. Кто были эти неверные? Ансельм мог иметь в виду мусульман, а также - провансальских еретиков, давших начало катарам и альбигойцам. Произведение построено в форме живого диалога между Ансельмом и назойливым вопрошателем Бозо. Очевидно, трактат - своего рода "документ внутреннего пользования" для клира, цель произведения - вооружить клир достойной аргументацией в борьбе с ересью, скептицизмом и неверием.

В трактате Ансельм демонстрирует незаурядную для Запада XI века эрудицию. Здесь мы находим цитаты из творений Августина, Амвросия, Илария, Боэция, Беда Достопочтенного - перед нами своего рода парад латинской премудрости, и не только. В трактате содержатся цитаты из Иринея, Оригена. Помимо влияния Платона, опосредованного Августином, в трактате ощущается влияние Аристотеля, как прямое, так и через посредство Боэция. Логические построения Ансельма, не всегда безупречные с точки зрения строгой логики, тем не менее, впечатляют и в ряде случаев вызывают восхищение: чувствуется мощное

влияние схоластической традиции. Ансельм не только логик, он диалектик, он дает выговориться своему оппоненту, выстроить свою аргументацию (напр., книга I, гл. VI-VII) и затем разбивает ее вдребезги, исходя из постулатов самого оппонента. Сама диалогическая форма трактата (кстати, написанного живым, почти разговорным языком) не только придает ему живость и характер как бы некоего интеллектуального турнира, но и вводит своеобразное диалектическое начало. От Ансельма, как великолепного схоласта и диалектика, через Петра Ломбардского путь латинской диалектики идет к своей вершине - *Summa theologiae* Фомы Аквината.

Перейдем теперь к сущности трактата. Его основная цель - показать смысл Воплощения и последовавшего за ним Искупления и его значение. Основные возражения его оппонентов суть следующие:

1) Воплощение и Искупление кажутся абсурдными и нерациональными, потому что это - "склонение Вышнего к столь низменному и действие Всемогущего, совершающееся с такими страданиями". Разве не мог Бог, единым словом сотворивший мир, избрать какой-либо более легкий способ, чем согласиться на такое унижение Своего Сына и Его страшную смерть.

2) Если вся проблема смертности и наказания человека заключена в Божественном гневе и желании наказать, то почему Бог по Своей благодати не может лишь своей волей простить грешника и не обрекать его смерти, что называется, сменить гнев на милость?

3) В чем смысл господства дьявола над человеком, если он, сам будучи бунтовщиком, не имеет над ним законной власти?

4) Далее, в чем же состоит Божественная справедливость, если Бог позволяет, чтобы распяли Его возлюбленного Сына ради нечестивцев и чтобы невинный умер за невиновных.

Возникает логический тупик. "Если Бог не мог спасти грешников иначе, нежели осудив праведника, - где тогда Его всемогущество? Если же мог, но не пожелал - как мы тогда можем отстаивать Его премудрость и справедливость?"

В конечном счете, эти вопросы в той или иной мере связаны с проблемой Божественной любви и милосердия, с одной стороны, Божественного всемогущества - с другой. И они в чем-то соответствуют словам Апостола о проповеди Христа распятого, которая "для Иудеев - соблазн, для Эллинов же - безумие", потому что подобные вопрошания основаны на гордыне падшего ума, стремящегося логическими мерками измерить Божественную любовь и премудрость. И здесь Ансельм совершает несколько роковых ошибок: прежде всего он соглашается играть по правилам вопрошающих и встает на почву обыкновенной человеческой логики, а не на почву Откровения, забывая слова "Мои мысли - не ваши мысли (Ис. 55,8). К сожалению, баланс между верой и разумом слишком сильно склоняется у него в сторону разума. Это выражается в его теории "удовлетворения" (*satisfactio*), отражающую понимание греха и наказания. Опираясь на римское право, Ансельм учит, что "согрешая и не воздавая Богу, человек похищает у Бога Ему принадлежащее и бесчестит Бога - а это и есть грех. Пока же похититель не возместил ущерб похищения, он пребывает виновным. И не достаточно только лишь вернуть украденное: за нанесенное оскорбление вернуть должно больше, чем было похищено" (гл. 11). Соответственно, наказывая грешника, Бог восстанавливает свои права, и поскольку прощение за ненаказанный грех не удовлетворяет требования справедливости и оставляет грех "неуправленным" (*inordinatum*), то Бог карает, следуя закону справедливости и возмещая похищенную честь. "Ибо необходимо, чтобы или была возмещена похищенная честь, или впоследствии наказано иначе выходит, что или к Самому Себе Бог несправедлив, или в обоих случаях беспомощен; а это грешно даже и помыслить" (гл. 13).

С одной стороны, это по своему логично, с другой стороны - сразу возникает ряд вопросов: каким образом Всесовершенный и Всесильный вообще может претерпеть какой-то ущерб или бесчестие, и соответственно - почему требуется вернуть больше похищенного, раз Он вообще не терпит ущерба? К тому же, каким образом Бог способен терять и восстанавливать Свою честь, разве не перестает Он быть Богом во время потери, и разве может Бог

претерпевать становление и восстановление? В третьих - почему милосердие прощения за ненаказанный и неудовлетворенный грех оставляет его неуправленным, а если за грех понесено наказание и принесено удовлетворение, то зачем вообще прощение, неужели оно становится атрибутом слабости, и как же быть со словами апостола Иакова "Милость превозносится над судом"? Тогда весь мир становится тюрьмой без амнистии, где для Бога честью становится наказание грешника. Примечательно, что во всех местах, где говорится об "удовлетворении", мы практически не находим ссылок на Священное Писание и на святоотеческую традицию, потому что подобная теория внутренне чужда и Писанию и подлинному Христианскому Преданию. В этой теории мы не видим Христианского Бога, нисколько не заботившегося о своей чести, "не возгнушавшегося девического чрева"², смирившегося до смерти крестной, "даже до ада снисшедшего"³. И даже Бог Ветхого Завета, "Бог ревнитель", Бог закона не полностью соответствует этой теории, ибо Он - "щедрый и многомилостивый, сокрушающийся о злобе человеческой, не желающий смерти грешного, но чтобы он обратился и был жив" (Иезек. 17, 23). В этом трактате перед нами - не икона Бога, а портрет средневекового монарха, который беспощадно карает преступника за измену и готов помиловать его лишь за невысказанный выкуп. Можно было бы говорить, что для Ансельма эта теория - лишь символ и образ, но ни в самом трактате, ни в его других произведениях мы не находим никакого следа подобного прочтения; напротив, Ансельм относится к своей теории со схоластической серьезностью и полным реализмом. Вторая серьезная ошибка Ансельма состоит в том, что он не обращает внимание на согрешившего человека и на истление и гибель в нем образа и подобия Божия. Там, где надо говорить о гибнущем человеке, Ансельм говорит о разгневанном Боге. Вся восточная традиция (и отчасти западная - до разделения 1054 года), начиная с мужей апостольских и апологетов, говорила о том, что, согрешив, человек искажил в себе образ Божий и подвергся власти греха, тления и смерти: "И был влачим он плененным под тень смерти, лежал покинутым образ Отца. Вот почему пасхи таинство свершилось в теле Господа"⁴. Смерть Христова становится необходимой не в смысле выкупа, компенсации, удовлетворения некоей абстрактной юридической справедливости, а в смысле животворящего, исцеляющего дара, в котором таинственно уничтожается человеческая смертность, тление, отчужденность от Бога и богооставленность, проистекающие отнюдь не от Бога, ибо "смерти Бог не сотворил", а от самого человека, от его эго и себялюбия, от его решения "быть как боги. Это - животворный дар Врача, жертвующего своей жизнью ради спасения больного. "Искупил нас еси от клятвы законныя честною Твоею кровию, на кресте прободен и копием прободен, бессмертие источил еси человекам, Спасе наш" (Седален утрени Великой Пятницы). Напротив, Ансельм особо не интересуется человечеством, для него это - безличная *massa peccatrix* - греховная масса. Само искупление становится некоей реабилитирующей услугой, которую Сын оказывает Отцу и ради которой прощаются грешники. И тогда парадоксальным образом объектом искупления оказывается не только человек, но и Бог (по крайней мере - Отец), раз Он нуждается в этом даре для удовлетворения своей чести и принимает его. Не нужно и говорить, насколько это далеко от подлинного христианского учения.

Учение о воплощении у Ансельма также структурировано теорией удовлетворения. По учению восточных Отцов (в частности, св. Максима Исповедника), воплощение было необходимо для человека, даже если бы человек не согрешил, ибо было нужно для его обожения. "Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом" (Св. Ириней Лионский, св. Афанасий Александрийский). И только грехопадение добавило к воплощению необходимость креста для вызволения человека из его смертности, исходящей от самого человека, а не наложенной Богом извне. Напротив, для Ансельма проблематика воплощения целиком связана с искуплением и, в свою очередь, с теорией удовлетворения. Воплощение необходимо потому, что следовало принести удовлетворение, но человек не мог его принести, хотя и был должен, а Бог - не должен, хотя и мог, следовательно, был необходим Богочеловек, который и мог, как Бог, и должен был принести удовлетворение (II книга, VI

глава). Подобный логический ход вначале кажется достаточно красивым, но немедленно возникает вопрос: почему Христос, как человек, должен был принести удовлетворение, если Он был безгрешен и Сам ничего не должен Отцу? Ансельм вынужден сказать, что Христос сделал это на самом деле по доброй воле, но тогда отпадает и модус долженствования. Подобный вопрос показывает, что богословский дискурс в рамках теории удовлетворения ничего не решает и может привести к серьезным искажениям Предания и церковной жизни вообще. Стоит напомнить, что теория удовлетворения породила учение о сверхдолжных заслугах и истекающую отсюда практику индульгенций, столь скомпрометировавшую католический клир.

Проблематика Воплощения увязывается с некоей необходимостью для Бога: поскольку Он создал человека и даровал ему свободу, а значит и возможность грехопадения, то не мог его не спасти ради соблюдения Своей чести и ради нерушимости Своих замыслов о сотворении мира, хотя Ансельм оговаривается, что это - онтологическая необходимость, коренящаяся в природе Бога и она не должна уменьшать нашей благодарности к Нему, (книга II, главы IV-V). Подобное рассуждение совершенно лишает Бога трансцендентности, неподвластности законам необходимости и низводит Его до уровня детерминированного существа, что чуждо апофатической мысли восточных Отцов (впрочем, не только восточных).

Само искупление Христово Ансельм созерцает в виде некоего подвига, который Христос приносит Отцу. За этот подвиг Христу полагается награда, которую Христос уделяет человечеству, ибо Сам в нем не нуждается. Эта мысль весьма нетрадиционна и почти не имеет соответствия ни в восточной, ни в латинской патристике (возможные аналоги можно найти только в Пастыре Ермы).

Ансельм почти ничего не говорит в своем трактате о Духе Святом, о Его значении в деле воплощения и спасения человечества. Если интерпретировать этот пассаж как аллегория ниспослания Святого Духа, то мы получаем следующую картину: благодаря страданиям Сына Отец дарует Ему Святаго Духа, который теперь исходит от Сына на человечество. Это - несколько нетрадиционный вид филиоквизма, который, смыкаясь с юридизмом, образует внутреннюю основу мысли Ансельма.

Все сказанное выше не ставит под сомнение высокие философские достоинства трактата, оно было необходимо, чтобы отметить те особенности мысли Ансельма, которые могут удивить русского читателя, знакомого с преданием Вселенской Церкви, а также обозначить начало особого бытия латинской богословской мысли, уходящей с магистралей патристики. В завершение мне хотелось бы отметить высокие научные и художественные качества перевода, выполненного Егором Начинкиным, которому удалось донести до читателей не только смысл, но стиль и дух трактата Ансельма.

В. Василек

АНСЕЛЬМ КЕНТЕРБЕРИЙСКИЙ **ОБРАЩЕНИЕ К ПАПЕ УРБАМУ II**

Хотя со времен апостольских святые отцы и многочисленные учителя наши столько уже привели искусных доводов в подтверждение разумной истинности нашей веры, чтобы постыдить неразумие и победить жесточенность язычников, а также в поучение тем, кто с очистившимся уже верой сердцем наслаждается пониманием той же веры (а этого понимания мы все жаждем ради его несомненности), что ни в наши, ни в будущие времена невозможно и ожидать, чтобы кто-либо превзошел их в созерцании истины, однако не думаю я, чтобы заслуживал осуждения тот, кто, укрепившись в вере, пожелает попробовать свои силы в исследовании ее обоснования по разуму. Ибо и те великие мужи - ведь "кратки дни человеческие" (Иов, 15.5) - не обо всем успели поведать, о чем могли бы, если бы прожили дольше, и разумная истина столь глубока и обширна, что смертным не дано ее исчерпать. Да и Господь в Церкви Своей, с Которой обещался пребыть "до скончания века", не престаёт изливать дар Своей благодати. Умолчу о многих других местах Святого

Писания, увещающих нас к разумному исследованию; но Бог Сам явным образом призывает нас напрячь наше разумение, когда говорит: "Если не поверите, не поймете" (Исайи, 7.9), поучая, как мы должны к Нему прийти. Наконец, разумное постижение, которое доступно нам в сей жизни, есть, по моему понятию, нечто среднее между верой и тем [непосредственным] созерцанием [Истины], к которому мы все стремимся; следовательно, чем больше человек продвинулся в понимании, тем ближе, кажется мне, подошел и к созерцанию.

Подкрепляемый таким рассуждением, несмотря на ничтожность моего знания, я и стремлюсь хоть немного возвыситься до усмотрения разумных причин того, во что мы веруем; и когда обнаруживаю нечто, чего прежде не замечал, с радостью открываю это другим людям, так как по их суждению определяю, насколько надежно мое мнение. Посему, отче владыка, всеми христианами благоговейно любимый и с любовью почитаемый папа Урбан, преподношу Вашей Святости эту книжку; да и кому же еще мог бы я удачнее препоручить ее, как не тому, кого Божие провидение поставило верховным святителем Своей Церкви? дабы его авторитетом было подтверждено достойное одобрения и изменено подлежащее исправлению.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из-за неких людей настоящий труд мне пришлось заканчивать поспешнее, нежели потребно, ибо они, переписав для себя без моего ведома первые главы, еще до того как все произведение было завершено и отделано, заставили меня изложить остальное по возможности кратко. Многие вещи, о которых я умолчал, должны были бы еще быть добавлены, если бы я имел возможность совершить мой труд в спокойствии и неспешно; но начал я его по просьбам друзей в Англии, когда мучилась душа моя - а из-за чего и почему, про то Бог ведает, - а закончил, совершив путь в Капую. В соответствии с содержанием, я его озаглавил "Почему Бог вочеловечился" и разделил на две книги: первая из них содержит возражения неверных, отвергающих христианскую веру, потому что она-де, по их мнению, противоречит разуму, и ответы верных [на них], а затем, умалчивая о Христе, будто Его и вовсе никогда не было, убедительными рассуждениями доказывает, что без Него человек не смог бы спастись. Во второй книге подобным же образом, как если бы о Христе ничего не было известно, не менее ясно доказывается по разуму и истине, что человеческая природа была создана, для того, чтобы весь человек, душою и телом, некогда в будущем, обрел бы блаженство и бессмертие; доказывается также, что человек по необходимости должен достичь цели, ради которой и был создан, но что произойти это может не иначе, как [подвигом] Богочеловека; и, следовательно, что всему, что, как мы верим, сотворил Христос, так и подобало свершиться.

Ото всех, кто пожелает переписать это предисловье вместе со всеми главами моей книги, я требую, чтобы оно было помещено в самом начале; тогда любой читатель, кому в руки она попадет, сразу увидит, есть ли тут нечто, не совсем достойное презрения.

ПОЧЕМУ БОГ СТАЛ ЧЕЛОВЕКОМ **КНИГА ПЕРВАЯ**

ГЛАВА 1

ВОПРОС, КОТОРОМУ ПОСВЯЩЕН ВЕСЬ ТРАКТАТ

Часто и весьма настойчиво спрашивали меня многие люди и на словах, и в письмах, когда же я, записав, сохраню от забвения те умозаключения относительно одного вопроса нашей веры, которые обыкновенно высказываю в ответ вопрошающим. Причем они говорят, что эти рассуждения им нравятся и кажутся убедительными. Просят они об этом не для того, чтобы прийти к вере путем разума, а дабы насладиться пониманием и созерцанием того, во что верят, и стать по возможности "готовыми дать ответ всякому, требующему" у них

"отчета в нашем уповании" (1 Петр. 3.15). А этот вопрос и неверные нам задают с насмешкой, как бы упрекая христиан в простецкой глупости, и многие верные в сердце своем обсуждают, и он таков: по какой причине или необходимости Бог сделался человеком и, как мы веруем и исповедуем, смертью Своей вернул жизнь миру, коли мог совершить то же самое либо через другое лицо, ангельской или человеческой природы, либо же одной лишь Своей волей? Не одни лишь образованные, но и многие необразованные люди задаются этим вопросом и жаждут на него разумного ответа. Вот потому-то, что многие просят разъяснить это затруднение - которое хотя и кажется весьма трудным при исследовании, однако по разрешении становится и ясным всем, и привлекательным из-за своей полезности и из-за красоты доказательства, - я и постараюсь показать вопрошающим все, что Господь соблаговолит мне открыть, хоть святыми отцами и сказано уже все, что должно быть достаточным [для разъяснения]. А так как исследование, идущее в виде вопросов и ответов, понятнее многим, даже и самым тугодумам, и поэтому нравится больше, то я и возьму себе в собеседники одного из неотступных просителей, который более настойчиво, чем другие, преследовал меня вопросами, так что Бозо будет спрашивать, а Ансельм отвечать - вот так

БОЗО. Как правильный порядок вещей требует, чтобы мы уверовали в глубины христианской религии, прежде чем принимаемся исследовать их разумом, так же, после того как мы укрепились в вере, только по небрежению, как мне кажется, мы не стремимся понять то, во что мы верим. А посему - так как благодаря предваряющей благодати Божией, как думаю, я столь привержен нашей спасительной вере, что даже если никоим образом не смогу понять того, во что верю, то и тогда ничто не сможет меня оторвать от этой незыблемой опоры, то прошу тебя открыть мне то, чего, как тебе известно, многие со мной просят, а именно: по какой необходимости и по какой причине Бог, будучи всемогущим, облекся ради восстановления человеческой природы в ее униженность и немощь.

АНСЕЛЬМ. То, что ты просишь, - выше моих сил, и из-за этого я опасаясь рассуждать о "высшем меня" (Сир. 3.21); иначе кто-нибудь, подумав или увидав на самом деле, что мои рассуждения его не удовлетворяют, решит, что скорее мне не достает подлинной истины, нежели ума для ее постижения.

Б. Ты должен не столько опасаться этого, сколько помнить, что когда обсуждают какой-нибудь вопрос, Бог часто открывает вещи, бывшие прежде скрытыми, и надеяться, что, если ты охотно раздаешь то, "что получил даром" (Мф. 10.8), то по благодати Божией удостоишься [постижения] предметов еще более возвышенных и пока что тебе недоступных.

А. Есть и еще причина, по которой, как я вижу, мы или с трудом сможем сейчас до конца рассмотреть этот вопрос, или нам вообще это не удастся: ведь тут необходимо понимание и власти, и воли, и необходимости, и некоторых других вещей, природа которых такова, что ни одну из них невозможно полностью исследовать отдельно от остальных. А поэтому их исследование требует особого труда, не очень, мне кажется, легкого, но и вовсе бесполезного - ведь незнание этих вещей делает трудными [для понимания] некоторые вопросы, которые при их постижении становятся легкими.

Б. О них ты сможешь кратко рассказать при удобном случае - так чтобы мы узнали все необходимое для настоящего исследования, а более пространное изложение отложили на другое время.

А. И вот что еще удерживает меня от исполнения твоей просьбы: предмет рассмотрения не только драгоценен, но и прекрасен мудростью превыше человеческого разума - как о прекрасном сказано: "прекраснее сынов человеческих" (Пс. 44.3). Поэтому и опасаясь, как бы со мной, всегда возмущавшимся скверными художниками, которые Самого Господа изображают в безобразном виде, не случилось то же самое, если я столь великолепную тему осмелюсь излагать неуклюжими речами, достойными презрения.

Б. И это соображение не должно тебя удерживать, потому что если ты позволяешь говорить всякому, кто сможет сказать лучше тебя, то ты никому не запрещаешь и написать изящнее,

если ему не нравится твоя речь. Наконец, чтобы отклонить все твои возражения, скажу: ты это сделаешь не для ученых, а для меня и для тех, кто просит тебя вместе со мной.

ГЛАВА 2

КАКИМ ОБРАЗОМ СЛЕДУЕТ ВОСПРИНИМАТЬ СКАЗАННОЕ

А. Видя такую неотступность - твою и тех, кто просит об этом с тобой вместе по любви и ревности к вере - попытаюсь, с помощью Божией и ваших молитв (о которых я часто просил и в которых вы обещали не отказать при выполнении вашей просьбы) по мере моих сил не столько разъяснить, сколько вместе с тобой исследовать то, что вы хотите рассмотреть; при условии, однако, что все мои слова вы будете воспринимать так, как мне хотелось бы, а именно: если я скажу что-либо, что не подтверждается высшим авторитетом, хотя и доказывается, по-видимому, рассуждением, то это утверждение должно считаться не более надежным, нежели просто мое нынешнее мнение, [которое может измениться], если Бог каким-либо образом откроет мне нечто лучшее. Так что если мне даже и удастся в какой-то степени удовлетворить твою любознательность, то несомненно, что лучше сможет это сделать тот, кто мудрее меня. Однако же надо помнить, что от человека доселе скрыты высшие причины этих вещей, пусть даже он что-то может о них сказать.

ГЛАВА 3

ВОЗРАЖЕНИЯ НЕВЕРНЫХ И ОТВЕТЫ ВЕРНЫХ

Б. Итак, позволь мне воспользоваться словами неверных. Ведь справедливо, если, стремясь исследовать разумное обоснование нашей веры, я приведу возражения тех, кто никак не желает приблизиться к вере без разумного основания. Ведь мы ищем с ними одно и то же, хотя они изыскивают разумное обоснование, потому что не верят, а мы - потому что веруем. А если ты скажешь что-нибудь, что покажется противоречащим священному преданию, позволь мне его приводить в качестве возражения, пока ты не покажешь, что противоречия нет.

А. Говори, что тебе кажется [нужным].

Б. Неверные, насмехаясь над нашей простотой, упрекают нас, что мы-де унижаем и оскорбляем Бога, когда утверждаем, что Он снизошел в женскую утробу, родился от женщины, вырос, вскормленный молоком и человеческой пищей, и наконец (умолчу о многих других вещах, которые кажутся неподобающими Богу), претерпел усталость, голод, жажду, побои, распятие вместе с разбойниками и смерть на кресте.

А. Мы никоим образом не оскорбляем и не унижаем Бога, но, благодаря Его от всего сердца, восхваляем и превозносим несказанную глубину Его милости; ибо насколько чудеснее и сверх ожидания Он восстановил нас из состояния столь многочисленных и столь заслуженных бедствий для столь многих и столь незаслуженных благ, утраченных нами, Настолько большую любовь и благоволение Он выказал к нам. Так что если бы они прилежно поразмыслили о том, сколь подобающим образом было совершенно восстановление человека, то не насмехались бы над нашей простотой, а вместе с нами восхваляли бы премудрую милость Божию. Ведь приличествовало, чтобы как смерть вошла в род человеческий непослушанием человека, так и жизнь восстановилась Послушанием человека (Рим. 5.19). И как грех, бывший причиной нашего осуждения, возымел начало от женщины, так и Свершитель праведности нашей и спасения должен был родиться от женщины. И дьявол, который победил человека, убедив его вкусить от древа, должен был потерпеть от Человека поражение через страдание на древе, принесенное им в мир. Есть еще и многое другое, что при тщательном рассмотрении показывает некую несказанную красоту нашего искупления, совершенного таким образом.

ГЛАВА 4

НЕВЕРНЫМ КАЖЕТСЯ, ЧТО ЭТИ ОТВЕТЫ - ВСЕГО ЛИШЬ НЕКИЕ ОБРАЗЫ, ЛИШЕННЫЕ НЕОБХОДИМОГО ОБОСНОВАНИЯ

Б. Все это прекрасно и должно восприниматься как некая картина. Но если у нее нет никакого прочного основания, она, кажется, не объяснит убедительно неверным, почему мы должны верить, что Бог пожелал претерпеть то, о чем мы рассказываем. Ведь если кто хочет написать картину, то выбирает нечто прочное, на что он и накладывает краски, чтобы живопись была долговечной. Ибо никто не пишет по воде или по воздуху, потому что там не остается и следа живописи. А поэтому когда мы как бы некие картины показываем неверным подобия самой вещи, о которых ты сейчас говорил, то они, думая, что то, во что мы веруем, - некая живопись, а не истинная вещь, считают, что мы рисуем по облаку. Значит, сначала нужно показать разумное и прочное основание истины, то есть [логическую] необходимость, которая доказывает, что Бог должен был или мог унизиться до того, о чем мы возвещаем, а затем, для придания большего великолепия этому, так сказать, изваянию истины, следует изложить и эти подобия, являющиеся как бы росписью изваяния.

А. А разве следующее соображение не кажется достаточной причиной, по которой Бог должен был совершить то, о чем мы проповедуем? Ведь иначе род человеческий, столь драгоценное Его творение, совершенно бы погиб, и неподобающим образом уничтожилось бы то, что Бог замыслил о человеке; да и исполниться замысел этот никак не мог, если бы Сам Создатель не освободил человеческий род.

ГЛАВА 5

ИСКУПЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА НЕ МОГЛО БЫТЬ СОВЕРШЕНО ИНЫМ ОБРАЗОМ, КАК ЧЕРЕЗ ЛИЧНОСТЬ БОГА

Б. Если бы утверждалось, что это освобождение каким-либо образом было совершено другим лицом, ангелом или человеком, а не Богом, то воспринять это человеческому уму было бы гораздо легче. Бог ведь мог создать некоего безгрешного человека - не из "греховной массы", не из другого человека, а так, как сотворил Адама, который, кажется, и мог бы совершить этот подвиг.

А. А разве ты не понимаешь, что если человека от вечной смерти освободило бы другое какое-то существо, то человек по справедливости считался бы его рабом? И в таком случае он никоим образом не был бы восстановлен в прежнем достоинстве, которое было ему назначено, если бы он не согрешил: ведь тот, кому предстояло вечно быть рабом одного лишь Бога и наравне с добрыми ангелами, оказался бы рабом существа, которое не было бы Богом и не повелевало ангелами.

ГЛАВА 6

КАКОВЫ ВОЗРАЖЕНИЯ НЕВЕРНЫХ ПРОТИВ НАШЕГО УТВЕРЖДЕНИЯ, ЧТО БОГ ИСКУПИЛ НАС СВОЕЙ СМЕРТЬЮ, ЧТО ОН ЭТИМ ПОКАЗАЛ СВОЮ К НАМ ЛЮБОВЬ И ЧТО ОН ПРИШЕЛ, ЧТОБЫ РАДИ НАС ПОБЕДИТЬ ДЬЯВОЛА

Б. Еще и тому немало изумляются [неверные], что это искупление мы называем освобождением. В каком таком плену, спрашивают они, мы содержались, или в какой темнице, или в чьей власти, из-под которой Бог нас мог вызволить не иначе, как искупив столькими трудами, а под конец и самой Своей кровью? Когда же мы им говорим: Он выкупил нас от греха, и от Своего гнева, и от преисподней, и от власти дьявола, которого Он Сам пришел победить ради вас (ибо мы сами не могли [сделать этого]), и выкупил для нас Царство Небесное; и совершив это таким образом, показал, какова Его любовь к нам, - они отвечают: если вы утверждаете, что Бог - который, по вашим словам, повелением создал весь мир, - не мог это все совершить одним лишь Своим повелением, то противоречите сами себе, изображая Его бессильным. Если же вы утверждаете, что мог, но захотел совершить это лишь таким образом, то как после этого вы можете показать Его премудрость, когда заявляете, что Он безо всякой причины пожелал перенести столь неподобающие страдания? Ведь все, о чем вы говорите, состоит в Его воле. В самом деле, гнев Божий - не что иное, как желание наказать. Следовательно, если Он не желает карать людей за грехи, то человек освобождается и от греха, и от гнева Божия, и от преисподней, и от власти дьявола - все ведь

это он терпит за грехи - и получает то, чего лишается из-за тех же грехов. Ибо в чьей состоят власти и преисподняя, и дьявол, и кому принадлежит Царство Небесное, как не Тому, Кто создал все? Значит, все, чего вы боитесь или жаждете, подлежит воле Того, Кому ничто противиться не может. Поэтому если Он пожелал спасти род человеческий не иначе, как утверждаемым вами образом, хотя и мог это сделать одним лишь Своим велением, то вы и сами видите, насколько ваши слова, мягко говоря, противоречат Его премудрости. Ведь никто не сочтет мудрым человека, который беспричинно совершит с тяжким трудом легко выполнимое дело. Поэтому ваше утверждение, что Бог таким образом выказал силу Своей к вам любви, не доказывается никакими разумными доводами, если только не показать, что никак иначе невозможно было спасти человека. Ибо если иначе он спасен быть не мог, то тогда по необходимости Бог должен был показать Свою любовь таким образом. Если же Он мог спасти человека и по-другому, то по какой причине ради проявления Своей любви совершил и претерпел то, что вы утверждаете? А разве Он не показывает добрым ангелам, насколько Он их любит, хотя и не претерпевает ради них подобных страданий? И в каком смысле осмеливаетесь вы заявлять, что Он пришел поразить ради вас дьявола? Зачем еще Богу нужно было сойти с небес, чтобы победить дьявола? Разве всемогуществу Божию не все равно подвластно повсюду? - Вот каковы, как мне кажется, могут быть возражения неверных.

ГЛАВА 7

ДЬЯВОЛ НЕ ИМЕЛ НИКАКОЙ ЗАКОННОЙ ВЛАСТИ НАД ЧЕЛОВЕКОМ, НО КАЖЕТСЯ, БУДТО ИМЕЛ, ПОЧЕМУ БОГ И ОСВОБОДИЛ ЧЕЛОВЕКА ТАКИМ ОБРАЗОМ

Но я не вижу никакой убедительности и в следующем нашем утверждении - что для освобождения человека Бог должен был действовать против дьявола скорее справедливостью, нежели силой, так чтобы дьявол, погубив Того, в Ком не было никакой причины смерти и Кто был Богом, по справедливости утратил свою прежнюю власть над грешниками; иначе ведь Бог совершил бы незаконное насилие над дьяволом, ибо тот по справедливости владел человеком, не плененным им насильно, а по своей воле предавшимся врагу. Ведь если бы дьявол и человек принадлежали сами себе или иному кому, а не Богу, или были бы в иной чьей-либо власти, нежели Божией, то тогда, может быть, это и было бы правильно. Однако же раз дьявол и человек принадлежат Богу, и ни тот, ни другой не выходит из-под Его власти, что за тяжесть могла быть у Бога с принадлежащим Ему, о принадлежащем Ему, в Его владении? разве что покарать должен был Он Своего раба, который уговорил сотоварища по рабству покинуть их общего господина и перейти под его власть, и принял его как предатель - беглого, как вор - вора, похитившего господское добро. Каждый ведь из них был вором, коли один уговорил другого лишиться господина владения собой. Что же могло тут быть справедливее, нежели кара Божия? А если бы Судия всех Господь отнял у незаконного захватчика человека, подпавшего такой власти, дабы или покарать его, но не посредством дьявола, или пощадить, - то разве в этом было бы что-нибудь несправедливое? Ведь хотя человек по справедливости претерпевал мучение от дьявола, тот мучил его незаконно. Человек, конечно, заслужил наказание, и правильнее всего было бы, чтобы наказывал его тот, по чьему наущению он согласился согрешить. Дьявол же ничем не заслужил чести наказывать человека, поскольку его не влекла любовь к справедливости, а возбуждал инстинкт злобы: ведь страдание он причинял не по воле Бога, а по [попущению] Его непостижимой премудрости, устрояющей к добру даже зло. Те же, кто полагает, что во власти дьявола над человеком была некая справедливость, как мне кажется, склоняются к такому мнению потому, что видят: человек по справедливости подлежит мучению от дьявола, и Бог справедливо это попускает - и из-за этого считают, что дьявол и мучит по справедливости. Ведь случается, что одно и то же оказывается и справедливым, и несправедливым с разных точек зрения, и из-за этого те, кто недостаточно внимателен в исследовании, все дело целиком считают или справедливым, или

несправедливым. Случилось, к примеру, так, что некто незаконно ударил невинного, за что и сам по справедливости заслужил, чтобы ударили его самого; но если при этом обиженный не должен мстить, но бьет ударившего, то поступает не по справедливости. Следовательно, со стороны ударившего этот удар нанесен несправедливо, потому что он не должен был за себя мстить, тот же, кого ударили, пострадал справедливо, ибо несправедливо ударивший по справедливости заслуживает, чтобы ударили его самого. Значит, при разном взгляде на одно и то же действие оно оказывается и справедливым, и несправедливым, и одному может казаться целиком справедливым, а другому - целиком несправедливым. Таким-то вот образом и говорится про дьявола, что он по справедливости мучает человека, ибо Бог по справедливости попускает это, а человек по справедливости переносит. Однако и то наказание, что человек по справедливости терпит, называется справедливым не с точки зрения справедливости человека, а потому, что он справедливо карается праведным судом Божиим.

Если же, ссылаясь на то "бывшее о нас рукописание приговора" [chirographum decreti], что было "против нас" и "было истреблено" (Колос. 2.14), по слову апостола, кто-нибудь подумает, что это означает, будто до страданий Христовых дьявол, дабы доказать законность своей власти над человеком, по справедливости и как бы по силе некоего писаного договора требовал от человека греха и взыскивал наказание за грех, будто ростовщическую прибыль за первый грех, совершенный человеком по его убеждению, - то, мне кажется, он ошибется. Ведь рукописание то - не дьявольское, потому что зовется рукописанием "приговора"; приговор же этот был приговором Бога, а не дьявола. Значит, справедливым судом Божиим в рукописании было определено и как бы закреплено, что человек, согрешивший добровольно, сам по себе впредь не сможет избежать ни греха, ни наказания за грех. Сказано ведь: "Дух уходит и не возвращается" (Пс. 77.39), и "Делающий грех есть раб греха" (Ио. 8.34); а кто согрешил, того не должно отпускать безнаказанно, если только милосердие не пощадит грешника, не освободит его и не возвратит. Поэтому-то мы и не должны считать, что в этом рукописании можно найти какое-то законное обоснование, дающее дьяволу право мучить человека. Наконец, как в добром ангеле нет совершенно никакой несправедливости, так и в злом нет вовсе справедливости. Следовательно, в дьяволе не было ничего такого, что не давало бы Богу права использовать против него силу для освобождения человека.

ГЛАВА 8

ПОЧЕМУ НЕВЕРНЫМ КАЖЕТСЯ, ЧТО ТО НИЗШЕЕ, ЧТО МЫ ПРИПИСЫВАЕМ ХРИСТУ (ХОТЯ ЭТО И НЕ ОТНОСИТСЯ К БОЖЕСТВУ), НЕ ПРИЛИЧЕСТВУЕТ УТВЕРЖДАТЬ О БОГЕ КАК ЧЕЛОВЕКУ; ПО КАКОЙ ПРИЧИНЕ ОНИ ДУМАЮТ, ЧТО ОН УМЕР КАК ЧЕЛОВЕК НЕ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ

А. В качестве разумного обоснования действий Бога нам должно быть достаточно воли Божией, даже если мы не видим, почему она такова; ведь воля Божия никогда не бывает неразумной.

Б. Это правда, если установлено, что Бог желает того, о чем идет речь; и многие люди никогда не согласятся, что Бог желает того, что кажется противным разуму.

А. Что же кажется тебе несогласным с разумом, когда мы говорим, что Бог, как мы верим, пожелал того, что [связано] с Его воплощением?

Б. Кратко говоря, склонение Вышнего к столь низменному и действие Всемогущего, совершающееся с такими страданиями.

А. Кто этим затрудняется, не понимает, во что мы верим. Ведь Божественную природу мы полагаем несомненно бесстрастной, ни в малейшей степени не способной ни спуститься с высоты Своего величия, ни претерпевать страдания в том, что она хочет совершить. Но мы проповедуем, что Господь Иисус Христос был действительно Богом и человеком, одним лицом в двух природах и двумя природами в одном лице. Поэтому когда мы говорим, что Бог претерпел нечто низкое или был немощен, мы это относим не к высшей бесстрастной

природе, а к немощи человеческой плоти, в которую Он облекся; из чего понятно, что никакого противоречия разуму в нашей вере нет. Ведь таким образом мы никак не утверждаем низменность Божественной сущности, а лишь показываем, что Бог и человек соединились в одном лице. Следовательно, в воплощении Бога мы не видим Его унижение, а верим в возвышение человеческой природы.

Б. Пусть так, пусть никак не затрагивает Божественную природу то, что говорится о человеческой немощи во Христе. Но каким образом можно доказать справедливость или разумность того, что Бог так обошелся или позволил обойтись с этим человеком, которого Отец назвал "Сыном Своим Возлюбленным, в Котором Его благоволение" (Мф. 3.17) и которого Сам усыновил? Какая справедливость в том, чтобы Праведнейшего из всех людей предать смерти вместо грешника? Какого человека мы не осудим, если он осудит невинного, чтобы освободить виновного? В любом случае все, по-моему, сводится к тому неподобающему, о котором шла речь выше. Ведь если Он не мог спасти грешников иначе, нежели осудив праведника, - где тогда Его всемогущество? Если же мог, но не пожелал - как мы тогда можем отстаивать Его премудрость и справедливость?

А. Бог Отец не совершал, как ты, по-видимому, считаешь, насилия над этим человеком и не предал невинного смерти вместо виновного: ведь Он не принуждал Христа умереть против Его желания и не позволял Его убить, а Сам Христос по Своей воле претерпел смерть, чтобы спасти людей.

Б. Даже если и не против Его желания - ибо Он был согласен исполнить волю Отца, - все-таки в каком-то смысле Бог Его принуждал Своим велением: сказано ведь, что Христос "смирил Себя, став послушным" Отцу "даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его" (Фил. 2.8), и что Он "страданиями навыв [didicit] послушанию" (Евр. 5.8), и что Отец "Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас" (Рим. 8.32). Да и Сын говорит: "Я сошел не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня" (Ин. 6.38). А уходя на страдания, говорит: "Как заповедал Мне Отец, так и творю", и еще: "Неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?" (Иоан. 18.11). И в другом месте: "Отче Мой, если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты" (Мф. 26.39). И еще: "Отче Мой, если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя" (Мф. 26.42). Из этого всего видно, что Христос претерпел смерть скорее по принуждению послушания, нежели по расположению свободной воли.

ГЛАВА 9

ОН УМЕР ПО СВОЕЙ ВОЛЕ. ЧТО ЗНАЧИТ: "БЫВ ПОСЛУШНЫМ ДАЖЕ ДО СМЕРТИ", И "ПОСЕМУ И БОГ ПРЕВОЗНЕС ЕГО", И "Я ПРИШЕЛ НЕ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ТВОРИТЬ ВОЛЮ МОЮ", И "СЫНА СВОЕГО НЕ ПОЩАДИЛ" БОГ, И "НЕ КАК Я ХОЧУ, НО КАК ТЫ"

А. Как мне кажется, ты не проводишь должного различия между тем, что Он сделал по принуждению послушания, и тем, что Он без принуждения послушания претерпел из-за того, что сохранил послушание.

Б. Мне нужно, чтобы ты это изложил подробнее. А. Почему и удеи преследовали Его даже до смерти?

Б. Из-за того именно, что в Своей жизни и словах Он неуклонно держался правды и истины.

А. И это, думаю я, потому, что Бог требует так поступать от всякого разумного существа, а оно по послушанию обязано Ему повиноваться.

Б. Именно так мы и должны думать.

А. Значит, этим-то послушанием и был обязан тот Человек Богу Отцу, природа человеческая - Божественной, и этого-то послушания и требовал от Него Отец.

Б. Никто в этом не сомневается.

А. Теперь ты знаешь, что именно Он совершил по принуждению послушания.

Б. Да; и, кроме того, вижу, какое Он претерпел насилие, причиненное Ему из-за того, что Он постоянно пребывал в послушании. Ведь Он подвергся смерти потому, что Он устоял в

послушании, и Он претерпел и ее. Не понимаю, однако, каким образом этого требовало послушание.

А. Если бы человек никогда не согрешал, то должен был бы он терпеть смерть? И должен был бы Бог от него этого требовать?

Б. Как мы веруем, и человек бы не умирал, и не требовалось бы от него этого; но я хочу услышать от тебя разъяснение.

А. Ты ведь не отрицаешь, что разумное создание для того сотворено праведным, чтобы оно блаженствовало, наслаждаясь Богом.

Б. Не отрицаю.

А. И ты согласишься, что Богу никоим образом не приличествует заставлять безвинно страдать существо, созданное праведным для блаженства; ведь нежеланная смерть - страдание для человека.

Б. Ясно, что если бы человек не согрешил, Бог не должен был бы требовать, чтобы он умирал.

А. Следовательно, Бог не принуждал умереть Христа, в Котором не было никакого греха, а Он Сам по Своей воле претерпел смерть не из-за послушания оставить жизнь, но ради послушания соблюсти правду, в которой стоял так неуклонно, что из-за этого подвергся смерти.

Можно сказать даже, что Отец заповедал Ему умереть, раз заповедал то, из-за чего последовала смерть. Ведь "как заповедал" Ему Отец, так Он и сделал, и "чашу, что дал", испил, и "послушен" был Отцу "даже до смерти", и из-за этого "страданиями навыв [didicit] послушанию", то есть постиг, до чего должно доходить послушание. Находящееся здесь слово - "навыв" [didicit] - можно понимать двояко. Либо "навыв" сказано вместо "заставил других постичь", либо (так как он и без того знал через знание) в смысле "усвоил на опыте". А слова апостола: "Смирив Себя, став послушным даже до смерти, смерти же крестной" (Фил. 2.8), вслед за которыми он прибавляет: "Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени", - подобным же образом и Давид сказал: "Из потока на пути пил, и потому вознес главу" (Пс. 1097) - не в том смысле сказаны, что этого вознесения Он не мог достичь иначе, нежели послушанием до смерти, и что это возвышение могло быть даровано лишь как воздаяние за такое послушание (ведь еще до Своих страданий Он Сам сказал, что "все передано Ему Отцом" (Лук. 10.22), и что все, что имеет Отец, - Его" (Иоан. 16.15)), а означают, что Он Сам с Отцом и Святым Духом положили, что именно смертью Своей, а не как-нибудь иначе, Он покажет миру высоту Своего всемогущества. И так как определено было, что это осуществится именно посредством Его смерти, то можно без ошибки сказать и так: "вследствие этой смерти".

Ведь если мы намереваемся совершить что-либо, но предполагаем прежде сделать еще нечто, посредством чего достигнем цели, то когда то, что должно предшествовать, уже совершено, и происходит то, к чему мы стремились [в конечном счете], то можно по справедливости сказать, что это осуществилось вследствие [предшествующего], по причине которого медлило осуществиться, так как решено было, что цель будет достигнута именно таким образом. Если, к примеру, я намереваюсь не иначе как на корабле переправиться через реку, которую могу переплыть и на коне, и на корабле, и из-за этого откладываю переправу, потому что нет корабля, то, когда корабль наконец приходит, обо мне с полным правом можно сказать: "Был снаряжен корабль, и вследствие этого он переправился". И так мы говорим не только тогда, когда посредством чего-либо предшествующего желаем достичь последующей цели, а даже и в том случае, когда просто после одного решаем сделать что-нибудь другое. Например, если кто-либо откладывает трапезу из-за того, что не присутствовал еще в этот день на совершении мессы, то по исполнении его первоначального решения вполне уместно сказать ему: "Теперь ты можешь есть - ибо ты сделал то, из-за чего откладывал трапезу". Значит, вовсе не странно высказывание, что Христос был превознесен вследствие того, что претерпел смерть, посредством которой и после которой Он постановил осуществить это вознесение. Можно это понимать еще и так, как понимаются слова,

сказанные тоже о Господе, что "Он возрастал в премудрости и в любви у Бога" (Лук. 2.52) не как то, что действительно было, но как нечто, что выглядело так, как если бы оно так и было; ведь Он после смерти был так превознесен, как если бы это совершалось вследствие этой смерти.

Слова же Его "Я пришел творить не Мою волю, а волю пославшего Меня" (Иоан. 6.38), значат то же самое, что и эти: "Мое учение - не Мое" (Иоан. 7.16). Ведь то, что кто-то имеет не сам по себе, а от Бога, он и называть должен не столько своим, сколько Божиим; а всякий человек и правдой, которой учит, и праведной волей обладает не сам по себе, а от Бога. Значит, Христос пришел исполнить не Свою волю, а волю Отца, потому что праведная воля Его была не от человеческой, а от Божественной природы. Слова же "Сына Своего не пощадил" Бог, но "предал Его за нас", означают в точности: "не освободил Его". Ведь в Священном Писании встречается много выражений такого рода. Когда же Христос говорит: "Отче, если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты" (Матф. 26.39) и: "Если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя" (Матф. 26.42), то через свою волю выражает естественное стремление к самосохранению, благодаря которому человеческая плоть избегает смертного страдания. О воле же Отца говорит Он не потому, чтобы Отец предпочитал смерть Сына Его жизни, а потому, что Отец желал восстановить род человеческий тогда лишь, когда человек совершит нечто столь великое, сколь велика была та смерть; а так как разум не требовал этого [великого] от кого-либо другого, который не мог сего совершить, то Сын и говорит, что Отец желает Его смерти, которую Он и Сам готов претерпеть, лишь бы не лишился спасения род человеческий. Это все равно, как если бы Он сказал: "Так как Ты не желаешь восстановления мира иным каким-то образом, то говорю, что этим Ты желаешь Моей смерти. Посему да будет воля Твоя сия, то есть да свершится Моя смерть, чтобы мир примирился с Тобою". Ведь мы часто говорим, что некто хочет чего-то, потому что он не желает [сделать] чего-либо иного, ибо если бы он пожелал [сделать это иное], то не произошло бы то [первое], которого, по нашему мнению, он хочет. Например, мы говорим, что некто желает погасить светильник, когда он не хочет закрыть окно, сквозь которое проникает ветер, гасящий светильник. Так же и Отец хотел смерти Сына, потому что, как я уже говорил, Он не желал, чтобы мир спасся иначе, чем через столь великий человеческий подвиг. А для Сына, жаждущего спасения человечества - раз никто иной его совершить не мог, - это значило то же, что и приказание умереть. Почему Он и говорит, что "как заповедал" Ему Отец, так "Он и творит" (Иоан. 14.31) и "чашу, что Отец дал" (Иоан. 18.11) Ему выпьет, блюдя послушание "даже до смерти" (Фил. 2.8).

ГЛАВА 10

О ТОМ ЖЕ САМОМ. КАК ЭТО ЕЩЕ МОЖНО ПРАВИЛЬНО ПОНИМАТЬ

Можно даже правильно понимать и так: что по той благостной воле [per illam patris voluntatem], по которой Сын пожелал умереть за грехи мира, "дал" Ему Отец - безо всякого, однако, принуждения - "заповедь" (Иоан. 14.31) и "чашу" (Иоан. 18.11) страдания, и "не пощадил" Его, (Рим. 8.32) а "предал Его за нас" и пожелал Его смерти; и что Сын Сам стал "послушен даже до смерти" (Фил. 2.8) и "страданиями навывк [didicit] послушанию" (Евр. 5.8). Ведь как по человечеству Он не от Себя обладал волей к праведной жизни, а от Отца, так же и ту волю, по которой ради совершения столь великого блага возжелал умереть, мог получить лишь от "Отца светов", от Которого и "всякое даяние доброе, и всякий дар совершенный" (Иакова 1.17). И как говорится, что внушая волю, Отец привлекает к ее выполнению, так же возможно и сказать, что Он подвигает ее исполнить. Ведь как Сын говорит об Отце: "Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет Его Отец", - так же мог бы Он сказать и "если не подвигнет". Подобным же образом Он мог бы сказать и таю "Никто не стремится к смерти во имя Мое, если Отец не движет его или не влечет". Ибо раз тот, кто чего-либо неуклонно желает, влечется или движется к этому своей волей, то можно утверждать, что влечет или движет именно Бог, внушая такую волю. В таком влечении или

побуждении не мыслится никакой необходимости насилия, а одна лишь добровольная и возлюбленная неуклонность свободно воспринятого благоволения [*acceptae bonae voluntatis spontanea et amata tenacitas*]. Следовательно, раз невозможно отрицать, что Отец, внушив такую волю, повлек или подвигнул Сына к смерти именно описанным образом, то неужели кому-то непонятно, что по этой причине Он дал Ему и "заповедь" претерпеть вольную смерть, и "чашу", которую надлежало испить добровольно? И раз о Сыне справедливо говорится, что Он Сам Себя не пощадил, но по доброй воле предал Себя за нас, то неужели кто-нибудь сможет отрицать, что правильно и добавить, что Отец, внушивший Ему такую волю, "не пощадил Его, но предал За нас" и пожелал Его смерти? Ведь именно таким образом - неуклонно и свободно соблюдая данную Отцом волю - и стал Сын "послушным даже до смерти", "навыкнув [*didicit*] Страданиями послушанию", то есть сколь великий подвиг нужно совершить по послушанию. Ибо послушание тогда цельно [*simplex*] и истинно, когда разумная природа соблюдает воспринятую от Бога волю не по необходимости, а свободно.

Можно еще и иными способами понимать, каким образом Отец пожелал смерти Сына, хотя и сказанного уже достаточно. Как мы говорим, что хочет тот, кто заставляет хотеть другого, так же говорим и о том, кто даже не заставляет другого хотеть, а одобряет его желание. К примеру, когда мы видим, как кто-либо сильно желает потерпеть страдания, чтобы исполнить свое благое желание, то мы хоть и утверждаем, что хотим, чтобы он перенес эту тяготу, но желаем или любим при этом не ее, а благую волю. О том же, кто может воспрепятствовать чему-либо, но не препятствует, мы обыкновенно говорим, что он этого хочет, раз не препятствует. Следовательно, раз Отцу была угодна воля Сына, и Он не воспретил Ему желать и исполнить желаемое, то справедливо утверждение, что Бог, хоть и не одобрял само страдание Сына, хотел, чтобы Он так свято, с такой пользой претерпел смерть. О чаше же Христос сказал, что она не может пройти мимо и что Ему придется ее испить не потому, что не мог избежать смерти, если бы захотел, а из-за того, что мир, как уже говорилось, не мог быть спасен иначе; а ведь Он Сам неуклонно желал скорее претерпеть смерть, нежели дать миру погибнуть. Потому-то Он и сказал эти слова, чтобы научить [нас], что род человеческий может спастись только Его смертью, а не для того, чтобы показать Свое бессилие избежать смерти. Ведь Он был всемогущ, о Нем сказано: "был заклан добровольно" (Ис. 53-7). Он и Сам сказал: "Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее; имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее". (Иоан. 10.17-18). Следовательно, раз Он совершил это по Своей воле и власти, неправильно утверждать, что Он был принуждаем.

Б. Уже одно то, что Бог позволил так с Ним обойтись, пусть даже не против Его воли, кажется неподобающим такому Отцу по отношению к такому Сыну.

А. Напротив, весьма подобает такому Отцу согласиться с таким Сыном, если Тот хочет совершить нечто славное и спасительное для человечества, что не могло совершиться иначе.

Б. Беседа наша до сих пор вращается вокруг одного вопроса: как можно доказать, что эта смерть была разумна и необходима; ведь иначе, кажется, ни Сын не должен был ее пожелать, ни Отец склонять к ней или ее позволять. Значит, вопрос в том, почему Бог не мог спасти человека по-другому; а если мог, то почему пожелал спасти именно так. Ведь кажется неподобающим Богу спасать человека таким образом, да и не ясно, чем та смерть спасла человеческий род. Ведь изумления достойно, если Бог так радуется крови невинного или нуждается в ней, что лишь с его смертью хочет или может пощадить виновного.

А. Так как в нашем исследовании ты принял на себя роль тех, кто ничему не желает верить без предварительного разумного доказательства, я хочу с тобой условиться, что мы не будем допускать ничего - или самую лишь малость - не подобающего Богу, равно как и не будем отвергать никакой или самый незначительный разумный довод, если только ему не противоречит более убедительный. Ведь как в рассуждении о Боге за малейшим допущением чего-либо неподобающего следует невозможность [допущения], так и самому

ничтожному разумному доводу, не опровергаемому сильнейшим, сопутствует необходимость.

Б. С полнейшей готовностью согласен, чтобы мы сообща соблюдали такое условие.

А. Итак, вопрос состоит в воплощении Бога и в том, что, как мы считаем, связано с воспринятым Им человеком.

Б. Именно так.

А. Тогда предположим, что не было никогда ни воплощения Бога, ни того, что мы утверждаем о Его человеческой жизни, - и согласимся, что человек был создан для блаженства, наслаждаться которым в этой жизни не может, и в той [жизни] он его не достигнет, если ему не отпущены грехи; что ни один человек не проживает эту жизнь безгрешно; примем также и все остальное, во что необходимо верить для вечного спасения.

Б. Пусть так - ведь в этом во всем ничто не кажется невозможным или не подобающим Богу.

А. Следовательно, чтобы достичь блаженства, человеку необходимо отпущение грехов.

Б. Мы все так считаем.

ГЛАВА 11

ЧТО ЗНАЧИТ ГРЕШИТЬ И ВОЗДАВАТЬ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ЗА ГРЕХ

А. Значит, нужно исследовать, как именно Бог прощает людям их грехи. А чтобы это было яснее, рассмотрим сначала, что значит грешить и что значит воздавать удовлетворение за грех.

Б. Твое дело - изъяснять, а мое - внимать.

А. Если ангел или человек всегда воздавал бы Богу должное, то не грешил бы.

Б. Не могу спорить.

А. Значит, грешить - это не воздавать Богу должного.

Б. А что должны мы Богу?

А. Воля разумного существа должна быть полностью подчинена воле Божией.

Б. Совершенно верно.

А. Это и есть тот долг, которым обязаны Богу ангел и человек; отдавая его, никто не грешит, а не отдавая, грешит всякий. Это и есть праведность, или правильность воли, которая делает людей праведными, или правыми сердцем, то есть волей (Пс. 35.11). В этом заключается полностью вся честь, воздаянием которой мы обязаны Богу и которую Бог от нас требует. Ведь одна лишь подобная воля, когда может действовать, делает деяния угодными Богу; когда же не может, угодна сама по себе, потому что без нее никакое деяние не угодно. Тот же, кто не воздает Богу должную честь, похищает у Бога Ему принадлежащее и бесчестит Бога - а это и есть грех. Пока же похититель не возместил ущерб похищения, он пребывает виновным. И недостаточно только лишь вернуть украденное: за нанесенное оскорбление вернуть должно больше, чем было похищено. Так, если кто-либо повредит здоровью другого, то недостаточно, чтобы он лишь восстановил здоровье - необходимо еще и некое возмещение за оскорбление, причинившее страдания; равным же образом недостаточно, если нарушивший честь другого лишь снова воздаст ее полностью - за тяготу нанесенного бесчестия оскорбитель должен принести некое возмещение, угодное тому, кого он обесчестил. Тут необходимо обратить внимание на то, что когда некто возмещает неправомерно похищенное, он должен отдать еще и то, чего от него нельзя было бы требовать, если бы он не похищал чужого. Следовательно, таким образом и должен всякий грешник воздать Богу похищенную честь; в этом и заключается удовлетворение, которым любой согрешивший обязан воздать Богу.

Б. Так как мы решили следовать разуму, то на все это мне нечего возразить, хотя ты и начинаешь меня утрашивать.

ГЛАВА 12

ПРИЛИЧЕСТВУЕТ ЛИ БОГУ ОТПУСТИТЬ ГРЕХ ИЗ ОДНОГО ЛИШЬ МИЛОСЕРДИЯ, БЕЗО ВСЯКОЙ УПЛАТЫ ДОЛГА

А. Вернемся назад и рассмотрим, приличествует ли Богу отпустить грех из одного только милосердия, безо всякого возмещения похищенной чести.

Б. Не вижу, почему бы не приличествовало.

А. Отпустить грех таким образом - все равно, что не наказывать. А так как правильно распорядиться о грехе [recte ordinare peccatum], за который не было дано удовлетворения, возможно лишь наказав за него, то если грех прощается без наказания, он остается неуправленным [inordinatum dimittitur].

Б. Ты рассуждаешь разумно.

А. Богу же не пристало в Царствии Своем что бы то ни было оставлять неуправленным.

Б. Боюсь согрешить, утверждая иное.

А. Следовательно, не пристало Богу так вот отпускать грех без наказания.

Б. Одно вытекает из другого.

А. Если грех так вот отпускается без наказания, то из этого следует и другое: тогда одна будет у Бога участь и согрешившему, и не согрешившему; а это Богу не пристало.

Б. Не могу этого отрицать.

А. Обрати внимание и вот еще на что: всякому известно, что праведность людей подлежит закону, так что в меру праведности определяется от Бога и воздаяние.

Б. Мы верим, что так оно и есть.

А. Если же грех и не возмещается, и не наказывается, то, значит, не подлежит закону.

Б. Иначе и помыслить невозможно.

А. Значит, если грех отпускается из одного лишь милосердия, то несправедливость выходит свободнее [в своем действии], нежели справедливость, что кажется весьма нелепым.

Вдобавок же к этому относится и та нелепость, что несправедливость уподобляется Богу - ведь как Бог не подлежит никакому закону, так и несправедливость.

Б. Не могу противиться твоим доводам. Но раз Бог заповедал нам полностью прощать согрешающим против нас, кажется противоречием, что Он заповедал нам то, что Ему Самому не пристало делать.

А. Тут нет никакого противоречия, ибо Бог заповедал нам это, чтобы мы не присваивали того, что принадлежит одному Богу ведь никто, кроме Вседержителя, не имеет права отмщать; и когда власти земные по справедливости творят суд, то это действие Самого Бога, предназначившего их к этому.

Б. Ты устранил противоречие, которое, казалось, тут было; но я хочу получить от тебя ответ еще и на другой вопрос. Ведь раз Бог столь свободен, что не подлежит никакому закону и ничьему суду; и столь милосерд, что милосерднее ничего и помыслить невозможно; и только то справедливо и подобающе, чего Он Сам хочет, удивительно кажется, что мы утверждаем, будто Он никоим образом не желает - или нельзя Ему - простить оскорбившему Его; и так говорим о Том, Кого просим о прощении даже тех обид, что мы нанесли другим.

А. Ты правду сказал и о свободе Его, и о воле, и о милосердии; но о них нужно разумно мыслить таким образом, чтобы не противоречить Его достоинству. Свобода [Бога] ведь лишь в том, что или полезно, или пристойно, да и милосердие не таково, чтобы проявляться в чем-либо, что не приличествует Богу. А когда говорится, что-то, чего Бог хочет, справедливо, а чего не хочет - несправедливо, то это не следует понимать так, как будто если Бог захочет чего-то неподобающего, оно будет справедливо, потому что Он его пожелал.

Одно из другого не следует: если, мол, Бог пожелал лгать, то лгать праведно; следует, скорее, что это не Бог. Ибо никоим образом не может пожелать лгать та воля, в которой не искажена правда - или, скорее, которая сама не исказилась, отвернувшись от правды.

Поэтому когда мы говорим "если Бог хочет лгать...", то это все равно, как если бы мы сказали "если Бог - такая природа, которая хочет лгать..." - а из этого не следует, что ложь праведна; разве что мы будем понимать это таким же образом, как и высказывание о двух невозможных вещах: "Раз это так, то и то так", а и то, и другое - неправда. Это все равно, как если кто-нибудь скажет: "Коли вода суха, то и огонь влажен", а ведь ни то, ни другое не верно. Таким образом, только о таких вещах можно утверждать: "Если Бог хочет этого,

значит, это справедливо", которые не непристойно Богу желать. Если, к примеру, Бог хочет, чтобы шел дождь, то справедливо, чтобы шел дождь, а если хочет, чтобы некий человек был убит, то справедливо, чтобы он был убит. Поэтому раз не приличествует Богу совершать нечто несправедливое или беспорядочное, то ни свобода Его, ни воля, ни милосердие не могут отпустить без наказания грешника, не возместившего Богу то, что похитил.

Б. Ты отнял у меня все, чем я мог бы тебе возразить.

А. Узнай теперь, почему такое действие не приличествует Богу.

Б. Охотно выслушаю, что ты скажешь.

ГЛАВА 13

МЕНЕЕ ВСЕГО ДОПУСТИМО В [ПРАВИЛЬНОМ] ПОРЯДКЕ ВЕЩЕЙ, ЧТОБЫ ТВАРЬ ЛИШИЛА ТВОРЦА ДОЛЖНОЙ ЕМУ ЧЕСТИ И НЕ ВОЗМЕСТИЛА УЩЕРБ

А. Менее всего допустимо в [правильном] порядке вещей, чтобы тварь лишила творца должной ему чести и не возместила ущерб.

Б. Нет ничего понятнее.

А. И нет ничего несправедливее, нежели терпеть то, что менее всего допустимо.

Б. И это ясно.

А. Значит, думаю я, ты не станешь утверждать, что Бог должен допустить то, что несправедливее всего допустить - чтобы тварь не возвратила Богу похищенное.

Б. Напротив, совершенно это отрицаю.

А. Опять-таки, если нет ничего лучше или выше [mains] Бога, справедливее всего, чтобы в общем порядке вещей Его честь блюла бы высшая правда, которая и есть не что иное, как Сам Бог.

Б. Ничего нет очевиднее.

А. Следовательно, в высшей степени справедливо, чтобы Бог хранил честь Своего достоинства.

Б. Мне следует согласиться.

А. А кажется ли тебе, что Он сохраняет ее в целости, если позволяет ее похитить, и ни наказывает похитителя, ни взыскивает удовлетворения?

Б. Не осмелюсь этого утверждать.

А. Значит, необходимо, чтобы или была возмещена похищенная честь, или впоследствии наказан; иначе выходит, что или к Самому Себе Бог несправедлив, или в обоих случаях беспомощен; а это грешно даже и помыслить.

ГЛАВА 14

КАКОГО РОДА ЧЕСТЬЮ ЯВЛЯЕТСЯ ДЛЯ БОГА НАКАЗАНИЕ ГРЕШНИКА

Б. Я думаю, что ничего разумнее и сказать нельзя. Однако мне хочется услышать от тебя, является ли для Бога честью наказание грешника, и честью какого рода. Ведь если наказание грешника - не честь для Него, то когда согрешивший не возмещает похищенное, а подвергается наказанию, Бог безвозвратно утрачивает Свою честь; а это, кажется, противоречит сказанному.

А. Невозможно Богу утратить Свою честь: ведь либо грешник по собственной воле уплатит свой долг, либо Бог вернет его против воли [грешника]. В самом деле, или человек по свободной воле выкажет должную покорность Богу - избегая ли греха, уплачивая ли за него возмещение - или же Бог против его воли мучениями подчинит Себе человека и докажет, таким образом, Свое над ним владычество, которое тот отказывался признать добровольно. При этом нужно принять во внимание, что как человек, согрешив, похитил принадлежащее Богу, так и Бог, наказав его, отнял принадлежавшее человеку - потому что не только о той вещи, которую некто уже имеет, говорят, что он обладает ею, но и о той, которой он властен завладеть. Следовательно, раз человек сотворен таким образом, что мог бы достичь блаженства, если бы не грешил, то, лишаясь вследствие греха блаженства и всего доброго, он против воли платит тем, чем обладает, за то, что похитил; и хоть Бог и не употребляет

отнятое Себе на потребу, как человек использует отнятые у другого деньги для своих нужд, однако отнятое служит Его чести уже потому, что отнято: ведь отнимая у грешника жизнь и блаженство [auferendo peccatorem et quae illius sunt], Он доказывает Свое господство над ним.

ГЛАВА 15

ДОПУСКАЕТ ЛИ БОГ ХОТЯ БЫ НЕЗНАЧИТЕЛЬНОЕ НАРУШЕНИЕ СВОЕЙ ЧЕСТИ

Б. Твои речи мне нравятся, но есть и еще вопрос, на который я прошу твоего ответа. Ведь если, как ты доказываешь, Бог должен так строго блюсти Свою честь, то почему же Он допускает ее потерпеть хоть малейший ущерб? ибо то, в чем допускается повреждение, не пребывает ни целостным, ни совершенным.

А. Честь Бога, насколько это касается Его Самого, ничто ни приумножить, ни умалить не может. Ибо Он - Сам Себе честь нетленная и совершенно неизменная. Правда, когда какая бы то ни было тварь по естеству или по разуму соблюдает свой чин, ей, так сказать, заповеданное, то говорится, что она повинуется Богу и чтит Его; причем более всего относится это к разумной природе, которой дана способность понимать свой долг. Когда она желает того, что обязана делать, то чтит Бога - не потому, чтобы она что-либо Ему прибавляла, а потому, что охотно подчиняется Его воле и установлению и, держась своего чина в общем порядке вещей, по мере своих сил блюдет также красоту общего порядка. Когда же не желает этого, то, насколько это ее касается, бесчестит Бога, поскольку не подчиняется с охотой Его установлению и нарушает, насколько в ее власти, красоту и порядок мироздания - хоть и не причиняет владычеству и достоинству Божиим никакого ущерба или умаления. В самом деле, ведь если то, что содержится под небесным сводом, пожелает не находиться под небом или удалиться от небес, то лишь приблизившись к небу сможет оно или оказаться не под небом, или убежать от него. Ведь откуда бы, куда бы, каким бы путем ни направились поднебесные предметы, они все равно останутся под небом; и чем больше удалятся они от одной части неба, тем ближе подойдут к противоположной. Так же и человек или падший ангел, хоть и не желает подлежать Божественной воле и установлению, не может их избежать, ибо если пытается избежать повелевающей Воли, то устремляется под власть Воли карающей. А если ты спросишь, как он вообще движется, то отвечу, что не иначе, как по Воле попускающей, так что даже сами его извращенные желания и действия Высшая Премудрость обращает к предустановленной красоте мирового порядка. Ибо даже и само добровольное возмещение за извращенные деяния, или наложение наказания на того, кто не приносит удовлетворения, обладает своим местом в общей упорядоченной красоте; Бог ведь многими способами превращает зло во благо. И если бы Божия премудрость не присовокупляла возмещение и наказание, когда злоба силится нарушить правильный порядок, то во вселенной, которая должна управляться Богом, из-за искажения упорядоченной красоты образовалось бы некое уродство, и Бог тогда как бы не вполне осуществил Свое определение. А раз и то, и другое столь же не подобает, сколь и не может осуществиться, то необходимо, чтобы за любым грехом следовало или возмещение за него, или кара.

Б. Ты удовлетворительно опроверг мое возражение.

А. Значит, совершенно ясно, что Бога как такового никто не может ни почтить, ни обесчестить; но сам по себе это всякий делает, подчиняя свою волю воле Божией или уклоняясь от нее.

Б. Не знаю, что и возразить на это.

ГЛАВА 16

ПО КАКОЙ ПРИЧИНЕ ПАДШИЕ АНГЕЛЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЗАМЕЩЕНЫ ТЕМ ЖЕ ЧИСЛОМ ЛЮДЕЙ

А. К этому я и еще добавлю.

Б. Говори, пока мне не наскучит слушать.

А. Ясно, что Бог положил возместить число отпавших ангелов таким же числом существ из человеческой природы, которую Он сотворил безгрешной.

Б. Так мы веруем; но хотелось бы узнать какое-либо разумное обоснование этого.

А. Ты меня обманываешь: мы решили рассуждать только о воплощении Бога, а ты мне предлагаешь и другие вопросы.

Б. Не сердись: "доброхотно дающего любит Бог" (2 Коринф. 9.7). А ведь никто не выказывает себя дающим обещанное охотнее, нежели тот, кто дает больше обещанного; поэтому дай исчерпывающий ответ на мой вопрос.

А. Не следует сомневаться, что разумная природа, которая в божественном созерцании является или будет блаженной, предузнана Богом в некоем разумном и совершенном числе [существ], таком, что ему не подобает быть большим или меньшим. Ведь либо Бог не ведает, какое число таких существ приличнее всего установить, что неверно; либо, коли знает, определил такое число, которое наилучше для этого подходит. А поэтому или те ангелы, что пали, были созданы, чтобы входить в это число, либо, будучи лишними, пали по необходимости - а так думать нелепо.

Б. Ты показываешь очевидную истину.

А. А раз они должны были входить в то число, то или необходимо, чтобы их число восполнилось, или же существа разумной природы, которых Бог провидел в числе совершенном, останутся в несовершенном числе, чего быть не может.

Б. Без сомнения, их число должно быть восстановлено.

А. Следовательно, оно должно восполниться из существ человеческой природы, ибо из существ другой природы это невозможно.

ГЛАВА 17

ДРУГИЕ АНГЕЛЫ ИХ ЗАМЕНИТЬ НЕ МОГУТ

Б. Почему же их нельзя заместить ими же самими, или другими ангелами?

А. Когда ты увидишь, сколь трудно наше восстановление, то поймешь, что обращение их невозможно. Ведь невозможно заместить их другими ангелами, потому что - не говоря уж о том, насколько это противоречило бы совершенству первоначального сотворения - это надлежало бы сделать лишь в том случае, если бы они могли быть такими, какими были бы павшие, коли не согрешили бы и стойко держались добра, не видев, как карается грех; а ведь после падения злых ангелов это было бы невозможно для тех, кто заместил бы их.

Ведь не одинаковой хвалы за стояние в правде достойны те, что никогда не знали наказания за грех, и те, что постоянно видят вечную кару за него. И неверно думать, что добрых ангелов укрепило в добре падение злых, а не собственная добродетель: ведь как добрые ангелы, согрешив вместе со злыми, подпали бы одинаковому осуждению, так и павшие, если бы устояли наравне с добрыми, наравне с ними и укрепились бы. Ибо если бы некоторые из них утвердились лишь благодаря падению других, то или ни один из них никогда бы не укрепился, или было бы необходимо, чтобы один из них пал и понес наказание, дабы утвердить остальных; а и то, и другое нелепо. Значит, те, что устояли, укрепились тем же образом, каким укрепились бы все ангелы, если бы устояли все; а каким именно, я показал, как мог, когда рассуждал о том, почему Бог не дал дьяволу стойкости.

Б. Ты доказал, что вместо падших ангелов должны быть поставлены существа человеческой природы, и из этого рассуждения ясно, что избранных людей будет числом не меньше, нежели отпавших ангелов; а вот объясни, если можешь, не будет ли их больше.

ГЛАВА 18

БОЛЬШЕ ЛИ ОКАЖЕТСЯ СВЯТЫХ ЛЮДЕЙ, ЧЕМ ЗЛЫХ АНГЕЛОВ?

А. Если ангелов до падения некоторых из них насчитывалось то совершенное число, о котором мы говорили, то люди созданы лишь для замещения погибших ангелов, и очевидно,

что их будет не больше. Если же все ангелы вместе не составляли то число, то людьми необходимо дополнить и убыток, и недостачу, предшествовавшую [отпадению], и в этом случае избранных людей окажется больше, нежели отпавших ангелов; и тогда мы скажем, что люди были сотворены не только для восстановления уменьшившегося числа ангелов, но и для исполнения донныне неполного.

Б. А как скорее следует думать: были ангелы созданы изначально в совершенном числе или нет?

А. Я скажу, каково мое мнение.

Б. Большого я от тебя и просить не могу.

А. Если человек создан после падения злых ангелов, как некоторые понимают из Книги Бытия, то, я думаю, ни того, ни другого определенно доказать не смогу. Полагаю, могло быть так, что сначала было совершенное число ангелов, а впоследствии человек был создан ради восстановления их уменьшившегося числа. А могло и так, что число ангелов не было полно, потому что Бог отлагал, как отлагает и донныне, исполнение их числа, решив создать в свое время человеческую природу, и из нее или только дополнить еще не совершенное число, или даже восстановить, если оно уменьшится. Если же все творение было создано одновременно, и повествование Моисея о днях, на протяжении которых этот мир как будто создается не сразу, следует понимать как-то иначе, нежели воображая дни, подобные временам нашей жизни, то я не могу себе представить, чтобы ангелы были сотворены в полном числе. Ибо если бы это было так, то мне кажется, что либо некоторые ангелы или люди по необходимости должны были впоследствии пасть, либо в небесном граде их было больше, нежели требовалось в соответствии с тем совершенным числом. Значит если все было сотворено одновременно, то ангелы и два первых человека, по-видимому, образовывали несовершенное число, так что если бы ни один из ангелов не пал, то людьми оно было бы дополнено до совершенного, а если бы какой-то из ангелов пал, то еще и этот недостаток был бы замещен; и человеческая природа, будучи слабее ангельской, как бы оправдывала Бога и осуждала дьявола, если бы тот стал приписывать свое падение слабости - ведь она-то, хоть и слабее, устояла в правде; а если бы пала и она, то тем паче защищала бы Бога в тяжбе с дьяволом и с самой собой, раз, сделавшись еще слабейшей и смертной, она в избранных своих от такой немощи возносится выше прежней степени павшего дьявола настолько же, насколько после гибели злых возвысились добрые ангелы, ибо устояли. Из этих рассуждений, как мне кажется, следует скорее, что ангелы не составляли того совершенного числа, которое исполнило бы вышний град - ибо если человек не создан одновременно с ангелами, то это допустимо; если же они были сотворены одновременно, к чему многие склоняются, так как в Писании сказано: "Живущий вовек создал все сразу" (Премудрости, 18.1), то кажется, что это необходимо. Однако же если совершенство миротворения следует усматривать не столько в числе отдельных существ, сколько в числе [различных] природ, то человеческая природа по необходимости была создана или для исполнения этого совершенства, или же для его излишнего изобилия, чего мы не осмелимся утверждать даже о природе какого-нибудь жалкого червячка. Следовательно, она была создана ради самой себя, а не только для того, чтобы замещать существа другой природы. Отсюда ясно, что даже если бы ни один из ангелов не погиб, у людей было бы свое место в небесном граде. А из этого следует, что ангелы до отпадения некоторых из них не составляли упомянутого совершенного числа; иначе было бы необходимо, чтобы из людей или из ангелов некоторые бы пали, так как те из них, что были сверх совершенного числа, не могли бы оставаться на небесах.

Б. Ты сделал небезосновательное заключение.

А. Есть и другое рассуждение, которое, на мой взгляд, достаточно подкрепляет предположение, что ангелы, вероятно, не были сотворены в совершенном числе.

Б. Приведи его.

А. Если ангелы были созданы в этом совершенном числе, а люди созданы лишь затем, чтобы замещать убыль падших ангелов, то очевидно, что если бы ангелы не отпали от блаженства, люди не смогли бы до него возвыситься.

Б. Это правда.

А. А если кто-нибудь скажет, что избранные люди столько же радуются падению ангелов, сколько же ликуют из-за своего вознесения, ибо несомненно, что без первого не было бы и последнего - то как можно их защитить от обвинения в злорадстве? И каким образом можем мы утверждать, что падшие ангелы восстанавливаются в людях, если они пребывали бы без этого порока - радости по поводу гибели других (когда бы не отпали), - а люди обязательно бы ему предавались? И вообще как они должны быть блаженными с таким пороком? Да и наконец, какая наглость - говорить, будто Бог не хочет или не может устроить восполнение числа ангелов без этого порока?!

Б. Разве не произошло подобное и с язычниками, призванными к вере, потому что иудеи ее отвергли?

А. Нет. Ведь если бы и все иудеи уверовали, язычники все равно были бы призваны, ибо "во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему" (Деян. 10.35). Но когда иудеи презрели апостолов, у последних появился повод обратиться к язычникам.

Б. Не вижу, что я мог бы на это возразить.

А. А по какой, по-твоему, причине каждый радуется падению другого?

Б. По какой же еще, как не по той, что уверен: он не находился бы там, где находится, если бы другой не освободил это место.

А. Значит, если бы ни у одного такой уверенности не было бы, то не из-за чего было бы радоваться чужой гибели.

Б. Это так.

А. А как ты думаешь: если избранных будет намного больше, нежели отпадших, то сможет ли кто-нибудь быть в этом уверен?

Б. Никак не могу я думать, чтобы кто-нибудь из них мог или должен был в этом увериться. Ведь как сможет он узнать, избран ли ради возмещения убыли в совершенном, или для дополнения до совершенства несовершенного доселе числа обитателей предбудущего града? Все зато будут уверены, что были созданы ради совершенствования этого града.

А. Значит, если их будет больше, нежели отпавших ангелов, никто из них не будет и не сможет знать, что был взят на небеса лишь из-за падения другого.

Б. Правда.

А. Следовательно, ни у кого не будет причины радоваться гибели другого.

Б. Одно вытекает из другого.

А. Значит, раз мы видим, что если избранных людей будет больше, нежели падших ангелов, то не последует то противоречие, которое с необходимостью воспоследует, если их будет не больше; и раз невозможно, чтобы в небесном граде было какое-либо противоречие, - то, кажется, необходимо заключить, что ангелов было создано меньше, нежели совершенное число, и что блаженных людей будет больше, нежели окаянных ангелов.

Б. Не вижу, каким доводом это можно опровергнуть.

А. Я думаю, что могу привести и еще одно обоснование этого положения.

Б. И его ты должен изложить.

А. Мы верим, что телесный состав этого мира обновится к лучшему, но произойдет это не раньше, чем исполнится число избранных людей и будет завершен блаженный град; а по его завершении незамедлительно свершится обновление. Из этого можно понять, что Бог с самого начала положил и то и другое осуществить одновременно, ибо низшая природа, не способная чувствовать Бога, никоим образом не может достичь совершенства прежде высшей, которой предназначено наслаждаться Богом, а по усовершенствовании высшей природы и сама переменится к лучшему и неким ей присущим образом совозрадуется. Так что всякое творение (каждое по-своему), будет вечно пребывать с Самим Творцом в общем и взаимном ликовании и радовании о своем столь славном и великолепном преображении в

совершенство [de sui consummatione congaudendo iucundaretur]. Ибо то, что в разумной природе воля совершает по собственному побуждению, даже и бесчувственная тварь естественно явит по установлению Божию. Ведь мы сорадуемся возвышению тех, кто превосходит нас - например, когда радуемся и веселимся в праздники святых, ликуя ради их славы. Это мнение, как кажется, подтверждается и тем, что, если бы Адам не согрешил, Бог тем не менее отлагал бы усовершенствование высшего града до тех пор, пока и сами люди, по исполнению ожидаемого Богом числа, не преобразились бы, так сказать, в бессмертное телесное бессмертие. В раю ведь они обладали неким бессмертием, то есть возможностью не умирать; однако сама эта возможность не была бессмертной, ибо могла умереть, так что и сами люди стали неизбежно смертны. А раз это так, и Бог с самого начала положил одновременно привести к совершенству и сей град разумных и блаженных [существ] разумный и блаженный град, и эту вселенскую и бесчувственную природу, то, думаю я, либо этот град еще до гибели злых ангелов не обладал их совершенным числом, а Бог ожидал, что его исполнят люди, когда телесная природа мира изменится к лучшему. Или же, если град был совершен в числе [обитателей], но не в прочности, и укрепление его, даже если бы никто из обитателей не согрешил, должно было быть отложено до того обновления мира, которого мы ожидаем, либо, если укрепление стойкости долее нельзя было откладывать, то необходимо было ускорить обновление мира, дабы оно совершилось вместе с ним. Но лишено всякого смысла [мнение], что Бог постановил обновить недавно созданный мир и те вещи, которые перестанут существовать после обновления, решил разрушить в самом начале, когда еще не проявилось то, ради чего они были созданы. Следовательно, ангелов было создано не настолько совершенное число, чтобы укрепление их стойкости нельзя было бы надолго отложить; ибо вскоре за ним должно было бы произойти обновление мира - а это не подобало бы. И кажется неподобающим, чтобы Бог откладывал это укрепление стойкости вплоть до будущего обновления мира - в особенности когда Он столь скоро совершил его в отношении других существ и, как можно понять, осуществил бы и в первых людях, если бы они тогда не согрешили, точно так же, как совершил в устоявших ангелах. Ведь хотя люди и не были бы еще возвышены до того равенства с ангелами, которого должны достигнуть, когда дополнится до совершенства число избранных, однако в той праведности, которая им была присуща, люди, если бы победили искушение, были бы, кажется, укреплены так, что и сами, и потомки их лишились бы способности грешить. И подобным же образом, раз они были побеждены и согрешили, то так сделались немощны, что сами по себе не могут существовать без греха. Разве осмелится кто-нибудь утверждать, что греховность сильнее в поработании человека, склонившегося к ней по первому уговору, нежели праведность в укреплении свободы того, кто при том же первом искушении в ней устоял? Ибо как человеческая природа, полностью содержащаяся в прародителях человеческих, была в них целиком побеждена грехом (за исключением того единственного человека, которого Бог сотворил из Девы без мужского семени и тем премудро отделил от греха Адама), так же и победила бы она в них во всей своей целости, если бы они не согрешили. Значит, остается лишь утверждать, что высший град не имел в ангелах совершенного числа обитателей, которое должно было быть дополнено людьми; а если решить, что это так, то избранных людей должно явиться больше, нежели отпавших ангелов.

Б. Мне кажется, то, что ты говоришь, весьма разумно. Но что мы скажем про это речение о Боге: "поставил пределы народов по числу сынов Израилевых" (Второзак. 32.8)? Ведь некоторые из-за того, что вместо "сынов Израилевых" встречается чтение "ангелов Божиих", понимают его так, что число-де избранных людей следует принять равным числу добрых ангелов.

А. Это не противоречит предшествующему положению, если не очевидно, что пало столько же ангелов, сколько и устояло. Ведь если избранных ангелов больше, нежели отпавших, то, с одной стороны, необходимо, чтобы избранные люди заменили отпавших, а с другой - возможно, что их число сравнивается с числом ангелов блаженных; и тогда праведников будет

больше, чем неправедных ангелов. Но не забывай, при каком условии я начал отвечать на твои вопросы: а именно, чтобы если какие-то из моих высказываний не подтверждаются высшим авторитетом, то даже когда я, по-видимому, логически доказал их, они бы принимались не с большим доверием, нежели просто мои временные мнения, пока Бог не откроет мне каким-либо образом нечто лучшее. Ведь мне ясно, что если я высказываю что-либо, несомненно противоречащее Святому Писанию, то это - ложно; и если пойму, что это так, то не пожелаю держаться подобных мыслей. Но в рассуждениях о том, о чем возможно без опасности думать различно - каков и обсуждаемый ныне нами предмет; ибо мы не знаем, больше ли людей должны войти в число избранных, нежели пало ангелов, или нет, и полагаю, что предпочтение одного или другого мнения не представляет никакой опасности для души; так вот, если в рассуждениях такого рода мы истолковываем Божественное Слово, склоняясь к различным суждениям, и не можем нигде найти основания для определения несомненно верного, то не думаю, чтобы за это мы заслуживали осуждения. Те же слова, о которых ты спрашиваешь - "поставил пределы народов", или племен, "по числу ангелов Божиих", которые в другом переводе читаются "по числу сынов Израилевых", - надо, раз оба перевода означают или одно и то же, или же вещи разные, но не противоречащие друг другу, понимать так, что "ангелами Божиими" или "сынами Израилевыми" называются одни лишь добрые ангелы, или же одни только избранные люди, или же, наконец, и ангелы, и избранные люди вместе, то есть весь горний град; либо так, что "ангелами Божиими" называются одни только святые ангелы, а "сынами Израилевыми" одни лишь праведники, или же одни ангелы "сынами Израилевыми", а праведники - "ангелами Божиими". Если и тем, и другим словом обозначаются только добрые ангелы, то это значит то же самое, как если бы было сказано только об "ангелах Божиих", а если и в самом деле весь небесный град, то смысл тот, что до тех пор в него будут приниматься народы, то есть множества избранных людей, или дотоле будут в веке сем существовать народы, пока людьми не дополнится до совершенства то самое предопределенное число обитателей града. Пока что мне, однако, неясно, каким образом под "сынами Израилевыми" можно понимать одних ангелов или и ангелов и людей вместе; ведь вполне уместно называть святых людей "сынами Израилевыми", как и "сынами Авраама". Они же по справедливости могут называться и "ангелами Божиими", потому что подражают ангельской жизни, а на небе им обещано подобие и равночестность ангелам; а также потому, что все праведно живущие суть ангелы Божий, почему они и называются "исповедниками", или "свидетелями" (то есть мучениками [martyres]): ведь кто исповедует истину Божию и о ней свидетельствует, есть посланник Бога, то есть ангел. И если злой человек называется дьяволом, как сказал Господь об Иуде из-за сходства в злобе, то почему бы не называть человека доброго ангелом из-за подражания в праведности? Поэтому, думаю, мы можем сказать, что Бог установил "пределы народов по числу" избранников из людей, потому что дотоле будут существовать народы и будет продолжаться умножение человечества, пока не исполнится число этих избранников; а по его исполнении свойственное этой жизни рождение людей прекратится. Но если под "ангелами Божиими" мы будем понимать только святых ангелов, а под "сынами Израилевыми" лишь праведных людей, то слова "поставил пределы народов по числу ангелов Божиих" могут пониматься двояко: либо что [в вышний град] принимается такое число народа, то есть столько людей, сколько святых ангелов Божиих; либо что до тех пор будут существовать народы, пока число ангелов Божиих не дополнится людьми; а слова "поставил пределы народов по числу сынов Израилевых", как мне кажется, могут истолковываться лишь одним способом: что, как сказано выше, до тех пор будут в веке сем пребывать народы, пока [небесный град] не воспримет [должное] число святых людей; и из обоих переводов понятно, что людей будет принято столько же, сколько там осталось ангелов. Однако же, хоть погибших ангелов и должны заместить люди, из этого не следует, что пало ангелов столько же, сколько устояло; если же это утверждать, то придется изыскать способ опровергнуть вышеприведенные рассуждения, доказывающие, как представляется,

что до падения некоторых из ангелов их было не то совершенное число, о котором я говорил ранее, и что избранных людей будет больше, нежели падших ангелов.

Б. Я не сожалею, что принудил тебя рассуждать об ангелах: ведь не напрасно я это сделал. А теперь вернись к тому предмету, от которого мы уклонились.

ГЛАВА 19

ЧЕЛОВЕК НЕ МОЖЕТ СПАСТИСЬ БЕЗ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ЗА ГРЕХ

А. Известно, что Бог положил заместить падших ангелов из числа людей.

Б. Несомненно.

А. Значит, людям, которые будут приняты в тот высший град вместо ангелов, подобает быть такими, какими должны были бы быть те, кого они заместят - то есть такими же, каковы ныне добрые ангелы. Иначе те, что пали, не будут замещены, и из этого последует, что либо Бог не смог завершить Свое благое начинание, либо раскаялся в том, что начал творить столь великое благо - а обе эти мысли нелепы.

Б. Конечно же, подобает, чтобы люди были равны добрым ангелам.

А. А согрешили ли когда-либо добрые ангелы?

Б. Нет.

А. Можешь ли ты помыслить, чтобы человек, некогда согрешивший и не давший Богу удовлетворения за грех, а просто прощенный безо всякого наказания, стал равен ангелу, который никогда не грешил?

Б. Помыслить это и произнести эти слова я могу, но точно так же не могу думать над их смыслом, как не могу ложь счесть за истину.

А. Значит, для восстановления [числа] ангелов не подобает принимать согрешившего человека без удовлетворения за грех - ведь истина не допускает его возвыситься до равенства с блаженными ангелами.

Б. Так говорит разум.

А. Подумай хотя бы только о человеке, не касаясь того, что он должен быть равен ангелам, должен ли его Бог приводить к какому бы то ни было блаженству - даже к такому, каким он наслаждался до своего греха?

Б. Скажи ты, что думаешь об этом, а я рассужу, как смогу.

А. Предположим, что некий богач держит в руке драгоценную жемчужину, которой никогда не касалась никакая грязь, и никто другой без его разрешения не может ее взять у него из руки; эту жемчужину богач собирается спрятать в своей сокровищнице, где хранится все самое дорогое и многоценное.

Б. Мне кажется, будто он прямо стоит перед нами.

А. Что, если он сам позволит некоему завистнику, которому может воспрепятствовать, выбить жемчужину из своей руки и уронить в нечистоты, а затем, подобрав ее, грязную и не Омытую поместит в свое любимое чистое хранилище, чтобы там держать? Сочтешь ли ты его мудрым?

Б. Как же можно? Ведь разве не было бы гораздо лучше, если бы он сохранял свою жемчужину чистой и незагрязненной, нежели испачканной?

А. А разве не подобным же образом поступил бы Бог, Который, как в Своей деснице, содержал в раю безгрешного человека, предназначенного для присоединения к ангелам, и позволил, чтобы дьявол, разжигаемый завистью, вверг его, хоть и с его же согласия, в скверну греха (ведь если бы Бог захотел воспретить дьяволу, тот не мог бы искушать Человека); разве, говорю я, не подобным же образом поступил бы Бог, если бы человека, на все будущее время запятнанного скверной греха, безо всякого омовения, то есть удовлетворения за грех, сразу же вернул в рай, из которого тот был извергнут?

Б. Не смею отрицать сходства [этого образа] с тем, как бы поступил Бог, и поэтому не могу согласиться, чтобы Он мог так поступить. Ведь тогда окажется, что или Бог не смог завершить того, что начал, или же раскаялся в благом намерении; а ни то, ни другое не может относиться к Богу.

А. Считай тогда за достовернейшую истину что без удовлетворения, то есть без добровольной уплаты долга, ни Бог не может отпустить грех без наказания, ни грешник достичь блаженства - даже такого, каким наслаждался до совершения греха; ведь так человек не будет восстановлен даже и в том состоянии, в каком пребывал, когда еще не согрешил.

Б. Никак не могу противоречить твоим доводам. Но как же мы тогда говорим Богу: "Прости нам долги наши" (Матф. 6.12), и всяк язык молит бога, в которого верит, о прощении своих грехов? Если мы уплачиваем, что должны, то зачем просим, чтобы Он простил? Неужто Бог несправедлив, и заново требует уже уплаченного? А если не уплачиваем, то зачем тщетно просим о том, чего Он не может сделать, ибо это не подобает?

А. Кто не платит, тот тщетно говорит "прости"; тот же, кто платит, умоляет, потому что само моление входит в плату. Ибо Бог никому ничего не должен, Ему же обязана долгом вся тварь; и поэтому не стоит человеку тягаться с Богом как равному с равным. Однако сейчас не нужно отвечать тебе на этот вопрос; вот когда ты узнаешь, почему умер Христос, то, может быть, и сам поймешь то, о чем спрашиваешь.

Б. Значит, мне сейчас довольно и того, что ты уже ответил на этот вопрос. А что никто из людей грешных не может достичь блаженства, и что грешник не может освободиться от греха, не возместив того, что похитил, когда согрешил - это ты доказал так ясно, что даже если бы я и захотел, все равно не смог бы в этом сомневаться.

ГЛАВА 20

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ДОЛЖНО СООТВЕТСТВОВАТЬ МЕРЕ ГРЕХА, И САМ ПО СЕБЕ ЧЕЛОВЕК НЕ МОЖЕТ ЕГО ПРИНЕСТИ

А. Я думаю, ты не будешь сомневаться и в том, что удовлетворению подобает соответствовать мере греха.

Б. Иначе грех в каком-то смысле останется беспорядочной [стихией], чего не может быть, если Бог в Своем Царстве ничего не оставляет неуправленным; однако установлено, что в отношении Бога невозможно допустить ни малейшего несоответствия.

А. Отвечай же: что приносишь ты Богу в уплату за твой грех?

Б. Раскаяние, сокрушенное и смиренное сердце, воздержание и разнообразные телесные тяготы, милосердие в даянии и прощении, а также послушание.

А. А что [конкретно] во всем этом ты даешь Богу?

Б. Разве я не почитаю Бога, когда ради страха Божия и любви к Богу в сокрушении сердца отвергаю мирские радости, в воздержании и трудах попираю наслаждения и покой этой жизни, щедро раздаю мне принадлежащее и прощаю долги, подчиняю Ему мою душу в послушании?

А. Когда ты отдаешь Богу то, что должен, даже если не согрешил, не засчитывай это в долг, который ты обязан уплатить за грех. Все ведь то, что ты упомянул, составляет твой долг Богу. Ибо любовь [к Нему] в сей смертной жизни должна быть такова, и таково желание - о котором и идет речь - достичь той цели, для которой ты был создан, и такова скорбь из-за того, что ты ее еще не достиг, и такова боязнь не достичь ее, что ты должен ощущать радость только из-за того, что либо способствует достижению, либо подает на него надежду. Ибо ты не заслуживаешь обладать тем, что не любишь само по себе, чего не желаешь, о чем не скорбишь, когда еще не имеешь и когда тебе угрожает опасность никогда, быть может, не получить желаемого. Сюда же относится и бегство от спокойствия и мирских наслаждений, отвлекающих душу от истинного покоя и наслаждения, как только они превысят меру, достаточную, по твоему разумению, чтобы достичь сих последних. Свое же даяние ты должен считать частью твоего долга, поняв, что то, что ты даешь, ты получил не от себя, а от Того, Кому раб и ты, и человек, получающий от тебя даяние. И сама природа тебя учит так поступать с товарищем по рабству - то есть с другим человеком, - как тебе бы хотелось, чтобы он поступал с тобой. Ибо кто не хочет дать то, что имеет, не должен и получать того, чего не имеет. О прощении же скажу кратко, что отмщать никоим образом не надлежит тебе,

как уже говорилось, ибо и ты сам не себе принадлежишь, и тот, кто тебя обидел, не принадлежит ни себе, ни тебе, а оба вы - рабы одного лишь Господа, создавшего вас из ничего. И если ты мстишь своему товарищу по рабству, то дерзостно осмеливаешься предвосхитить право суда, принадлежащее Господу и Судии всех. А в послушании что сверх твоего долга даешь ты Богу, Чьему велению ты обязан и своим существованием, и всем, что имеешь, и всем, что можешь?

Б. Теперь уж я не осмелюсь сказать, что во всех этих действиях приношу Богу хоть что-нибудь сверх должного.

А. Что же ты уплатишь Богу за свой грех?

Б. Раз, даже не согрешая, я обязан Богу и моим существованием, и всем, что могу сделать, у меня нет ничего, чтобы уплатить за грех.

А. Что же тогда с тобой будет? Как ты сможешь спастись?

Б. Если я размышляю о твоих рассуждениях, то уж и не знаю, как; если же прибегаю к христианской вере, "действующей любовью" (Гал. 5.6), то надеюсь, что смогу спастись; ибо читаем: если "беззаконник... обращается от беззакония и творит правду" (Иезек. 18.27), то все беззакония его предаются забвению.

А. Это сказано только тем, кто или ожидал Христа до Его пришествия, или уверовал в Него по пришествии; а мы ведь, решив исследовать одним лишь разумом, необходимо ли Его пришествие для спасения людей, предположили, что Христа и христианской веры как будто и не было никогда.

Б. Да, предположили.

А. Значит, нужно идти вперед, руководствуясь одним разумом.

Б. Хоть ты и ведешь меня по каким-то теснинам, очень хочу, чтобы ты продолжал продвигаться, как начал.

ГЛАВА 21

КАКОВА ВАЖНОСТЬ ГРЕХА

А. Предположим даже, что все то, чем ты только что хотел заплатить за грех, не является твоим долгом, и посмотрим, достаточно ли этого, чтобы принести удовлетворение хотя бы за такой незначительный грех, как один взгляд, брошенный против воли Божией.

Б. Если бы я не услышал от тебя такого вопроса, я думал бы, что одного лишь раскаяния достаточно, чтобы загладить этот грех.

А. Ты еще не рассмотрел, какова важность греха.

Б. Объясни мне.

А. Если бы ты оказался пред лицом Бога, и кто-нибудь сказал бы тебе: "Посмотри туда!", а Бог, напротив: "Не хочу, чтобы ты туда смотрел!"; спроси сам себя в сердце своем, ради чего из всего сущего ты согласишься бросить туда взгляд против воли Бога?

Б. Мне ничего не найти, ради чего стоило бы так поступить, - разве только я окажусь в таком положении, что у меня по необходимости будет выбор лишь между этим грехом и еще большим.

А. Оставь мысль о такой необходимости и думай об одном только этом грехе: сможешь ли ты его совершить хотя бы ради твоего спасения?

Б. Совершенно ясно, что не смогу.

А. Чтобы не пытаться тебя долее, спрошу: а что если будет необходимо, или, чтобы весь мир погиб, и все, кроме Бога, обратилось в ничто, или, чтобы ты совершил столь ничтожный проступок против воли Бога?

Б. Когда я размышляю о самом этом действии, то вижу, что оно совершенно незначительно, но когда осознаю, что оно противно воле Бога, понимаю, что это - тягчайшее преступление, несравнимое ни с какой гибелью мира. Однако же иногда мы без осуждения совершаем нечто против чьей-то воли, ему же во благо, и это впоследствии приятно тому, чью волю мы нарушили.

А. Это применимо к человеку, который иногда не понимает, в чем его польза, и не может восполнить утраченное, а Бог ведь ни в чем не нуждается и может восстановить все сущее точно так же, как сотворил.

Б. Приходится мне признать, что даже ради сохранения всего мира я ничего не соглашусь сделать против воли Бога.

А. А если бы речь шла о многих мирах, населенных живыми существами, как этот?

Б. Даже если бы их число умножилось до бесконечности, и подобным же образом они бы служили мне оправданием, я бы ответил то же самое.

А. И совершенно правильно бы сделал. Но подумай вот о чем: если уж так случится, что ты бросишь этот негодный Богу взгляд, что сможешь ты принести в уплату за грех?

Б. Ничего больше того, о чем я уже сказал.

А. Значит, мы тяжко грешим всякий раз, когда сознательно совершаем хотя бы самый незначительный поступок против Божией воли, ибо мы всегда предстоим пред очами Его, и Он всегда заповедует нам не грешить.

Б. Судя по твоим словам, мы живем в большой опасности.

А. Очевидно, что удовлетворения Бог требует соразмерно величине греха.

Б. Не могу возразить на это.

А. Следовательно, ты не приносишь удовлетворения, если не предлагаешь в уплату нечто большее, нежели то, ради чего ты не согласился бы согрешить.

Б. Мне ясно и что разум этого требует, и что это совершенно невозможно.

А. И Бог не может привести к блаженству никого, кто обязан долгом за грех, ибо это не подобает.

Б. Этот приговор слишком суров.

ГЛАВА 22

КАКОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕК НАНЕС БОГУ, ДАВ ДЬЯВОЛУ ПОБЕДИТЬ СЕБЯ. ПРИНЕСТИ ЗА НЕГО УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕК НЕ МОЖЕТ

А. Услышь еще и то, почему ничуть не легче человеку примириться с Богом.

Б. Если бы меня не утешала вера, то и предшествовавшего было бы довольно, чтобы ввергнуть меня в отчаяние.

А. Однако выслушай.

Б. Говори.

А. Человек, сотворенный безгрешным, был как бы поставлен Богом на Своей стороне, в раю, между Собой и дьяволом, чтобы он победил дьявола, не склонившись к греху по его навету, и оправдал и возвеличил Бога, и посрамил дьявола - если бы человек, живущий на земле и более слабый, не согрешил по навету дьявола, более сильного, но и на небе впавшего в более тяжкий грех. А человек, хоть и с легкостью мог это исполнить, безо всякого над собой насилия добровольно дал себя победить одним лишь убеждением и склонился на волю дьявола, оскорбив и волю, и честь Бога.

Б. К чему ты клонишь?

А. Посуди сам, разве не противно чести Бога, чтобы человек примирился с Ним, нанеся Ему такое оскорбление лжесвидетельством, не почтив Его прежде победой над дьяволом, как обесчестил Его поражением от дьявола? Победа же эта должна быть такой: как, будучи силен и обладая возможностью бессмертия, человек с легкостью согласился согрешить по уговору дьявола (за что и постигла его по справедливости кара смертности), так же должен он, сделавшись по собственному произволу немощным и смертным, тяготой смерти победить дьявола, дабы уже никоим образом не грешить. Совершить же это человек не в состоянии, пока зачатие его происходит из раны первого греха, и в грехе - рождение.

Б. Опять скажу: что ты говоришь - и верно по разуму, и невозможно.

ГЛАВА 23

СОГРЕШИВ, ЧЕЛОВЕК ПОХИТИЛ У БОГА НЕЧТО ТАКОЕ, ЧЕГО НЕ МОЖЕТ ВЕРНУТЬ

- А. Узнай вдобавок и еще нечто, не менее невозможное, без чего человек по справедливости не может вернуться к Богу.
- Б. Ты уже столько всего вменил нам в долг, что я не могу утешиться более, что бы ты еще ни добавил.
- А. Выслушай, однако.
- Б. Слушаю.
- А. Что похитил человек у Бога, позволив себя победить дьяволу?
- Б. Договаривай сам, раз начал; я уж и не знаю, что еще можно прибавить к тем бедам, что ты представил.
- А. Разве он не похитил у Бога исполнение Его замысла о человеческой природе?
- Б. Этого отрицать невозможно.
- А. Рассмотрим по строгой справедливости и рассуди по ней: разве не принесет человек Богу равное греху удовлетворение только тогда, когда победой над дьяволом вернет то, что похитил у Бога, позволив дьяволу себя победить? и если то, что победой над человеком дьявол у Бога похитил, а Бог утратил, победой над дьяволом человек не отнимет у дьявола и не вернет Богу?
- Б. Ничего нельзя помыслить ни точнее, ни справедливее.
- А. Считаешь ли ты, что высшая правда может преступить эту справедливость?
- Б. Не смею так думать.
- А. Следовательно, человек никоим образом не может и не Должен получить от Бога то, что Бог положил ему даровать, если не вернет Богу все, что у Него похитил - дабы от кого Бог понес утрату, от того бы и получил возмещение. А это может произойти лишь тогда, когда победитель оправдает от греха столько людей, сколько потребно для исполнения совершенного числа, которое человек был предназначен исполнить, - точно так же, как побежденный испортил и как бы заразил грехом всю человеческую природу, сделав ее непригодной Богу для завершения небесного града. Однако грешный человек этого совершить никак не может, ибо грешник не может оправдать грешника.
- Б. Нет ничего ни справедливее, ни невозможнее. Однако из всего этого, по-видимому, следует, что если речь идет о блаженстве, для которого был создан человек, то нет ни милосердия у Бога, ни надежды у человека.

ГЛАВА 24

ПОКА ЧЕЛОВЕК НЕ ВЕРНУЛ БОГУ СВОЙ ДОЛГ, ОН НЕ МОЖЕТ БЫТЬ БЛАЖЕН, И БЕССИЛИЕ ЕГО НЕ ОПРАВДЫВАЕТ

- А. Погоди немного.
- Б. Что ты еще прибавишь?
- А. Раз человека называют беззаконником, когда он не отдает долг человеку, он совершает гораздо большее беззаконие, не отдавая долга Богу.
- Б. Если он может отдать и не отдает, он и в самом деле беззаконник. А вот если не может, то в чем же его вина?
- А. Может быть, если он не виновен в своем бессилии, то в какой-то степени его и можно извинить; но если его вина заключается в самом бессилии? тогда и грех не смягчается, и нет извинения не платящему долг. Ведь если кто-нибудь поручит своему рабу некий труд и прикажет ему, чтобы тот не падал в яму, которую он ему показал и из которой раб никак не сможет выбраться, а тот, презрев приказание и предостережение своего господина, добровольно бросится в указанную яму - как ты думаешь, сможет ли раб, не исполнив порученного труда, хоть в малой степени оправдаться тем, что был бессилен его выполнить?
- Б. Никоим образом; скорее его бессилие лишь увеличит его вину, потому что он сам его на себя навлек, и согрешил двояко - и не исполнив приказания, и преступив запрет.

А. Так же не может оправдаться и человек, добровольно обязавший себя долгом, которого уплатить не может, и по своей вине ввергнувший себя в такую немощь, что не может уплатить ни того долга, которым был обязан до греха, то есть не грешить, ни того, которым обязался за грех. Ибо само это бессилие и есть его вина, ведь он не должен в нем пребывать, а напротив, должен быть от него свободным. Ведь подобно тому, как вина состоит в неимении того, что иметь обязан, также не меньшая вина - в обладании тем, чего иметь не должен. Следовательно, как человеку вменяется в вину, что он более не имеет силы, которая была ему дарована, чтобы он берегся от греха, так же он виноват и в том бессилии, из-за которого он не может ни соблюдать правду и беречься от греха, ни вернуть то, что должен. Ведь он добровольно совершил то, вследствие чего утратил ту силу и впал в эту беспомощность. Ибо все едино - что не иметь силы, которой должен обладать, что впасть в немощь, которую ты обязан не иметь. А посему невозможность вернуть долг Богу, из-за которого человек его не может уплатить, не оправдывает его в неуплате; ибо следствие греха не извиняет совершенный грех.

Б. Хоть это и весьма прискорбно, но необходимо, чтобы так и было.

А. Значит, не праведен человек, не отдающий долга Богу.

Б. Совершенная правда. Ведь он и в том неправ, что не отдает, и в том, что отдать не может.

А. А кто неправеден, не будет допущен к блаженству, ибо раз блаженство - достаточность, в которой нет никакого недостатка, оно не подобает тому, в ком нет полноты правды, а есть неправедность.

Б. Не осмелюсь против этого возражать.

А. Значит, кто не уплывает Богу должного, не сможет быть блажен.

Б. Не могу отрицать, что это вытекает из сказанного.

А. Так что если ты хочешь сказать, что милосердный Бог прощает просящему его долг, потому что тот не может его вернуть, то Он может "прощать" только одно из двух: либо то, что человек должен вернуть добровольно, но не может, - то есть то, чем можно уплатить сполна за грех, которого не стоило совершать даже ради сохранения всего, что не есть Бог; либо то, что, наказывая, Бог намеревался отнять у упорствующего против его воли, как я говорил выше, - то есть блаженство. Но ведь если Он прощает то, что человек должен отдать добровольно, потому что тот отдать не в силах, разве не значит это, что Бог прощает долг, который не может получить? Но просто насмешка приписывать такое милосердие Богу. А если прощает то, что намеревался отнять у упорствующего по причине его бессилия отдать долг добровольно, значит, Бог смягчает наказание и приводит человека к блаженству ради греха - ибо он впал в то, во что впасть не должен был: ведь именно в это бессилие человек и был обязан не впасть, и, следовательно, пока он бессилию подвластен и не принес за него удовлетворения, оно вменяется ему во грех. Воистину такое милосердие Бога совершенно противоречит Его справедливости, которая не допускает иного воздаяния за грех, нежели наказание. Посему как невозможно, чтобы Бог Себе противоречил, так же не может быть, чтобы таково было Его милосердие.

Б. Я вижу, что надо искать иное Божественное милосердие.

А. Пусть в самом деле тому, кто не может уплатить должного, Бог прощает ради его бессилия.

Б. Мне бы того и хотелось.

А. Но ведь не платя, должник либо хочет вернуть долг, либо нет. Если же он хочет, чего не может, то, значит, нуждается; а если не хочет, то неправеден.

Б. Яснее ясного.

А. А ни нуждающийся, ни неправедный не будет блажен.

Б. И это понятно.

А. Следовательно, пока не вернет долга, не сможет достичь блаженства.

Б. Если Бог правды следует разуму, жалкому человечешке некуда деваться, и, кажется, нет у Бога милосердия.

А. Ты желал разумных обоснований - прими же их. Я не отрицаю, что милосерд Бог, "хранящий человеков и скотов" (Пс. 35.7-8), "ибо умножил милосердие Свое" (Иуд. 1.2). Мы же говорим о том окончательном милосердии, что после этой жизни делает человека блаженным. Полагаю, что вышеприведенными рассуждениями я достаточно убедительно доказал, что даровано это блаженство должно быть лишь тому, чьи грехи прощены совершенно, а это прощение должно иметь место лишь тогда, когда возвращен долг за грех, соразмерный величине греха. Если же тебе кажется, что против этих доказательств можно что-то возразить, ты обязан сказать об этом.

Б. Я думаю, что ни одно из твоих рассуждений невозможно никак опровергнуть.

А. И я думаю, что при тщательном рассмотрении это Невозможно. Впрочем, если хотя бы одно из доказанных мной положений подтверждается неоспоримой истиной, этого должно быть достаточно. Ведь одним ли, многими ли рассуждениями неопровержимо доказывается истина, она все равно ограждена от малейшего сомнения.

Б. Это так.

ГЛАВА 25

ЧЕЛОВЕК ПО НЕОБХОДИМОСТИ СПАСАЕТСЯ ЧЕРЕЗ ХРИСТА

Б. Но как же спасется человек, коли он и сам не платит свой долг, и не может спастись, не уплатив? И неужели у нас достанет дерзости утверждать, будто Бог, преисполненный милосердия превыше человеческого понимания, не сможет милосердно спасти человека?

А. Ответ на этот вопрос ты должен требовать от тех, от чьего лица сейчас говоришь, - тех, кто не считает Христа необходимым для спасения человека; пусть они скажут, каким образом человек может спастись без Христа. А если они этого объяснить никак не могут, пусть прекратят насмехаться над нами и приступят, и присоединятся к нам, не сомневающимся, что человек может спастись во Христе; или же пусть оставят всякую надежду на то, что это вообще возможно. Если же последнее их страшит, пусть вместе с нами уверуют во Христа, дабы обрести спасение.

Б. Я прошу тебя - как и сначала просил, - объясни мне, каково разумное обоснование того, что человек спасается через Христа.

А. Разве не достаточно доказано, что Христом может спастись человек, когда даже неверные не отрицают возможность для человека каким-то образом достичь блаженства, и когда ясно, что спасение человеческое немислимо, если предположить, что Христа не было? Ведь человек может быть спасен либо через Христа, либо еще как-то, а более никак. Поэтому, если ложно, что это может не свершиться и что это может свершиться не Христом, то необходимо, чтобы совершил это Христос.

Б. А если некто, зная причину, по которой спасение не может свершиться как-то иначе, но не понимая, почему оно может быть совершено через Христа, вздумает утверждать, что оно не осуществимо ни Христом, ни как бы то ни было, что мы ему ответим?

А. Что нужно отвечать тому, кто из-за того только утверждает невозможность необходимого, что не знает, как оно осуществится?

Б. Что он неразумен.

А. Значит, нечего принимать во внимание его слова.

Б. Это правда; но ему нужно показать, каким образом осуществится то, что он считает невозможным.

А. Разве из того, что сказано выше, ты не понял, что некоторые люди по необходимости должны достичь блаженства? Ведь раз не подобает Богу привести человека, чем-либо себя запятнавшего, к тому, для чего Он его сотворил в незапятнанной чистоте, дабы не оказалось, что Бог или раскаялся в Своем благом замысле, или не смог его исполнить, то по той же причине еще более невозможно, чтобы ни один человек не достиг того, ради чего был сотворен. Поэтому удовлетворение За грех - которое должно быть таким, как показано выше, - нужно или отыскать вне христианской веры, чего никакими рассуждениями сделать нельзя, или твердо верить, что оно обретается в ней. Ведь если разум истинно доказывает,

что некая вещь по необходимости существует, то нельзя никоим образом сомневаться в ее существовании, даже когда мы не можем понять, как она осуществляется.

Б. Ты правду говоришь.

А. Чего же ты еще хочешь?

Б. Я не за тем пришел, чтобы ты избавил меня от сомнений в вере, а чтобы ты показал мне, каковы разумные обоснования моей уверенности. Поскольку ты через рассуждение привел меня к видению того, что грешный человек должен Богу нечто такое, чего уплатить не может, а не уплатив, не спасется, то я хочу, чтобы точно так же ты довел меня до понимания разумной необходимости всего того, что католическая религия предписывает нам исповедовать о Христе, если мы желаем спастись. Хочу также понять, каким образом это связано со спасением человека и каким образом Бог по милосердию спасает человека, не прощая ему греха, пока тот за него не уплатит должного. А чтобы твои рассуждения были надежнее, начинай их вести издали, воздвигая на прочном основании.

А. Да поможет мне Бог! ты меня нисколько не щадишь и не принимаешь во внимание скудость моей учености, поручая мне столь великий труд. Попытаюсь, однако, раз уж начал, надеясь не на свои силы, а на Бога, и совершу, что с Его помощью смогу. Но дабы не наскучить читателю этой книги слишком долгим изложением, отделим новым зачином уже сказанное от будущих речей.

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

ЧЕЛОВЕК СОЗДАН ПРАВЕДНЫМ, ЧТОБЫ БЫТЬ БЛАЖЕННЫМ

Не следует сомневаться, что разумная природа для того создана Богом праведной, чтобы блаженствовала, наслаждаясь Им. Для того она и разумна, чтобы различать праведное от неправедного, добро от зла, и большее добро от меньшего - иначе понапрасну была бы она создана таковой. Но Бог не напрасно создал ее разумной. Поэтому несомненно, что она сотворена разумной именно для этого. Подобным же рассуждением доказывается, что она затем была наделена способностью различения, чтобы ненавидела зло и избегала его, а любила бы и избирала добро, а также более любила и предпочитала большее благо. Иначе понапрасну даровал бы ей Бог эту способность различать, ведь она различала бы впустую, коли не любила бы и не ненавидела в соответствии с различием. Не подобает, однако, чтобы Бог бесцельно даровал столь великую способность; и, следовательно, ясно, что разумная природа для того создана такой, чтобы превыше всего любила бы и предпочитала Высшее Благо, и не из-за иного чего, а ради Него Самого (ведь любовь ради иного означает любовь к иному, а не к самому добру); любить же так может только природа добродетельная. Следовательно, эта природа сотворена и разумной, и праведной, чтобы не оказалось, что она разумна понапрасну.

Итак, если [эта природа] сотворена праведной для того, чтобы избирать и любить Высшее Благо, то она соделана такой или для того, чтобы когда-нибудь последовать за тем, что она любит и избирает, или [создана с иной целью]. Но ведь если она не создана добродетельной, чтобы следовать за тем, что любит и предпочитает, то напрасно она сотворена таким образом, чтобы предпочитала и любила это, и нет никакой причины, по которой она хоть иногда должна была бы стремиться к нему; и в таком случае, поступая праведно из любви к высшему благу, разумная природа будет несчастна, так как против воли будет лишена того, чего желает, - что чрезвычайно нелепо. Поэтому разумная природа сотворена праведной, чтобы была блаженна, наслаждаясь высшим благом, то есть Богом. Следовательно, человек, будучи разумной природой, для того создан праведным, чтобы блаженствовал, наслаждаясь Богом.

ГЛАВА 2

ЧЕЛОВЕК НЕ УМИРАЛ БЫ, ЕСЛИ БЫ НЕ СОГРЕШИЛ

Легко доказывается то, что [человек] создан таким, что в силу необходимости он бы не умер. Ибо, как мы уже сказали, для мудрости и справедливости Бога невозможно, чтобы Он заставил без вины претерпеть смерть того, кого Он сотворил праведным для вечного блаженства. Следовательно, если бы [человек] не согрешил, то никогда бы не умер.

ГЛАВА 3

ЧЕЛОВЕК ВОСКРЕСНЕТ С ТЕМ ТЕЛОМ, С КОТОРЫМ ЖИВЕТ В ЭТОЙ ЖИЗНИ

Отсюда ясно доказывается, что когда-нибудь произойдет будущее воскресение мертвых. Ибо если человеку надлежит совершенно восстановиться, то он должен быть воссоздан таким, каким бы он был, если бы не согрешил.

Б. Иначе и быть не может.

А. Значит, как не согрешивший человек должен был быть преобразен в нетленное существо вместе с тем телом, какое у него было, так и восстановленный будет воссоздан с тем, в каком живет в этой жизни.

Б. А что мы ответим, если кто-нибудь скажет, что этому надлежит произойти с теми, в ком восстанавливается род человеческий, а с отступниками не обязательно так будет?

А. Следует понимать, что нет ничего более справедливого, или приличествующего, чем следующее. Подобно тому, как устоявший в праведности человек весь будет вечно блаженным, то есть душой и телом; так, упорно держащийся неправды весь будет вечно испытывать мучения. "Нельзя ничего помыслить справедливее и правильнее, чем это: как человек, державшийся добродетели, будет блаженствовать в вечности целиком, то есть душой и телом, так же и упорствовавший в пороке будет страдать целиком"

Б. Ты в кратких словах достаточно объяснил мне эти вещи.

ГЛАВА 4

БОГ ЗАВЕРШИТ СВОИ НАЧИНАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

А. Из сказанного легко понять, что либо Бог завершит свои начинания относительно человеческой природы, либо понапрасну создал для такого блага столь возвышенную природу. А если понять, что Бог не сотворил ничего драгоценнее разумной природы для ее радования о Нем, то, конечно, Ему не свойственно допустить, чтобы хоть одна разумная природа окончательно погибла.

Б. Разумное сердце иначе и помыслить не может.

А. Следовательно, необходимо, чтобы Бог завершил свои начинания относительно человеческой природы. Но это, как мы говорили, не может стать без полного удовлетворения за грех, на которое не способен ни один грешник.

Б. Я уже понял: необходимо, чтобы Бог завершил свои начинания, потому что иначе окажется, что Он неподобающим образом отступил от Своего замысла.

ГЛАВА 5

ХОТЯ И НЕОБХОДИМО ЭТОМУ СОВЕРШИТЬСЯ, ОДНАКО БОГ НЕ ДЕЙСТВУЕТ ПО ПРИНУЖДЕНИЮ НЕОБХОДИМОСТИ. ЕСТЬ НЕОБХОДИМОСТЬ, УСТРАНЯЮЩАЯ ИЛИ УМЕНЬШАЮЩАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ, А ЕСТЬ И ТАКАЯ, ЧТО БЛАГОДАРНОСТЬ ПРИУМНОЖАЕТ

Но если так, то оказывается, что Бог, заботясь о спасении человека, принуждается необходимостью избежать бесчестия. И тогда как отрицать, что Он делает это более ради Себя, чем ради нас? А коли так, почему же мы должны быть благодарны за то, что Он совершает ради Себя? И как же мы сможем приписывать наше спасение Его милости, если Он спасает нас по необходимости?

А. Есть необходимость, которая уничтожает или уменьшает благодарность по отношению к благодетелю, и есть необходимость, которая обязывает к большей признательности за благодеяние. Когда кто-нибудь неохотно делает добро, повинясь необходимости, то ему

следует [воздавать] либо малую благодарность, либо никакую. Когда же благодеющий по собственному побуждению подчиняется необходимости благотворить, и добровольно претерпевает ее, тогда он заслуживает еще большей благодарности за свои благодеяния. И называть эту власть нужно не необходимостью, а милостью, потому что благодетель принимает ее на себя и ей следует не по какому-то принуждению, а по собственному благому произволению. Ведь если ты по собственной воле обещаешь завтра кому-то что-то подарить, то подаришь завтра по той же воле, хотя по необходимости ты должен будешь или выполнить обещание, если можешь, или оказаться лжецом; однако тот, кто получит подарок, будет тебе обязан за благодеяние не меньшей благодарностью, чем если бы ты ничего не обещал, из-за того лишь, что ты не замедлил объявить себя его должником до момента дарения. То же происходит, когда кто-либо приносит обет святого обращения. Ведь хотя после произнесения обета он и связан необходимостью соблюдать его, чтобы не подвергнуться осуждению как отступник, и может подвергаться принуждению, если не хочет это делать добровольно, но если он по доброй воле соблюдает свой обет, то Богу он приятен не меньше, а больше, чем если бы не принял его, - ибо не только от мирской жизни, но и от ее свободы такой человек отказался ради Бога. И нужно считать, что он живет свято не по необходимости, а по той же свободной воле, по которой дал обет.

То же благо, что Бог, раз начав, творит человеку до конца, мы с несравненно большим основанием обязаны целиком приписывать Его благодати, хотя Ему и не пристало отступаться от завершения начатого благодеяния. Ведь Он, ни в чем не испытывая недостатка, начал благотворение ради нас, а не ради Себя. Ибо от Него не было скрыто во время создания человека, что тот сделает впоследствии; однако же милость Его, сотворившего человека по Своей воле, как бы связала Его обязательством завершить начатое благодеяние. Наконец, Бог ничего не делает по необходимости, Ибо никоим образом неподвластен принуждению или запрещению что-либо делать; и когда мы говорим, что Бог творит что-либо как бы по необходимости избежать бесчестия, хоть это и не страшит Его, то эти слова нужно скорее понимать таким образом, что Он действует по необходимости сохранить честь. Необходимость же эта есть не что иное, как неизменность Его достоинства, которое Он сам себе установил, а не воспринял от кого-то другого, и поэтому ее неправильно называть необходимостью.

Скажем, однако, что необходимо, чтобы благодать Божия по неизменности своей завершила начатое благотворение человеку, хотя при этом все творимое благо и есть добровольная милость.

Б. Согласен.

ГЛАВА 6

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ, КОТОРЫМ СПАСАЕТСЯ ЧЕЛОВЕК, МОЖЕТ ДАТЬ ТОЛЬКО БОГОЧЕЛОВЕК

А. А это невозможно, если кто-нибудь не уплатит Богу за грех человека нечто большее, чем все существующее (кроме Бога).

Б. Это доказано.

А. Тот же, кто сможет из своего имени принести Богу нечто большее, чем все мироздание, по необходимости должен и сам превосходить все, что только не есть Сам Бог.

Б. Не могу это отрицать.

А. Но ведь никто не превышает всего, что не есть Бог, кроме Самого Бога.

Б. Это правда.

А. Значит, необходимое удовлетворение может дать только Бог.

Б. Так из этого следует.

А. А должен дать это удовлетворение человек - иначе ведь он не уплатит долга.

Б. Нет ничего справедливее.

А. Значит, раз необходимо, как уже установлено, чтобы вышний градус был дополнен до совершенства людьми, а это не может осуществиться, если не будет дано помянутое

удовлетворение, дать которое может только Бог, а должен дать человек - то необходимо, чтобы его дал Богочеловек.

Б. "Благословен Бог!" (Пс. 65.20) - вот мы и нашли в ходе нашего исследования некую великую истину. Продолжай же, как начал; надеюсь, что Бог нам поможет.

ГЛАВА 7

НЕОБХОДИМО, ЧТОБЫ ОДИН И ТОТ ЖЕ БЫЛ БЫ И СОВЕРШЕННЫМ БОГОМ, И СОВЕРШЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

А. Теперь нужно рассмотреть, как может появиться Богочеловек. Ведь природа Божественная и человеческая не могут взаимно превращаться друг в друга, так чтобы Божественная стала человеческой или человеческая - Божественной; не могут и смешиваться, так чтобы из обеих возникла некая третья, которая была бы ни полностью Божественной, ни полностью человеческой. Словом, даже если бы было возможно, чтобы одна превращалась в другую, явился бы или целиком Бог, а не человек, или полностью человек, а не Бог. А если бы они смешивались так, что из обеих, [но] поврежденных, получалась бы некая третья [природа] - как от двух отдельных животных разного вида, самца и самки, рождается третье, не сохраняющее полностью природу ни отца, ни матери, а обладающее [некоей] третьей [природой], получившейся из смешения обеих, - то это был бы и не человек, и не Бог. Следовательно, тот Богочеловек, которого мы ищем, не может возникнуть из Божественной и человеческой природ ни превращением одной в другую, ни смешением обеих, поврежденных, в третьей - ведь это невозможно; да если бы и было возможно, не было бы тем, чего мы ищем. Если же утверждать, что каким бы то ни было образом обе эти природы соединяются, не утрачивая своей цельности, так что одно [лицо] - человек, а другое - Бог, а не Один и Тот же - Бог и человек, то им вдвоем будет невозможно совершить то, что должно совершиться: ибо Бог этого не совершит, потому что не должен, а человек не совершит, потому что не сможет. Значит, чтобы Богочеловек, о котором мы говорим, совершил [необходимое], нужно, чтобы Божество в своей целостности и человек в своей целостности были одним [лицом], которое и принесет необходимое удовлетворение - ибо может это сделать только воистину Бог, а должен сделать воистину человек. Поэтому раз необходимо отыскать Богочеловека, сохраняющего в целостности обе природы, не менее необходимо также, чтобы обе цельные природы соединились в одном лице, как тело и разумная душа соединяются в одном человеке, - ибо иначе невозможно, чтобы Он был и воистину Бог, и воистину человек.

Б. Со всем, что ты сказал, я согласен.

ГЛАВА 8

БОГУ ПОДОБАЕТ ОБЛЕЧЬСЯ В ЧЕЛОВЕКА ИЗ РОДА АДАМОВА, РОДИВШЕГОСЯ ОТ ЖЕНЫ-ДЕВЫ

А. Остается выяснить, каким образом Бог облечется в человеческую природу и в какую. Ведь либо он возьмет ее от Адама, либо создаст нового человека, как создал Адама, не производя его от другого человека. Однако если Он создаст человека заново, не из рода Адама, то такой человек не будет принадлежать к человеческому роду, произошедшему от Адама; и поэтому, не относясь к нему, он не обязан приносить за него удовлетворение. И как справедливо, чтобы за вину человека дал удовлетворение человек, так же и необходимо, чтобы приносящий удовлетворение был одним лицом с грешником или принадлежал к его роду. Ведь иначе ни Адам, ни род его не дадут за себя удовлетворения. Следовательно, раз грех распространился на всех людей от Адама и Евы, никто, кроме них самих или их потомков, не должен платить долг за грехи людей; а как они сами не могут этого сделать, то необходимо, чтобы это совершил происшедший от них.

Еще добавлю: как Адам и весь род его устояли бы [в правде] сами по себе, без поддержки иного творения, если бы не согрешили, так же подобает им своими силами подняться и восстать после падения, если восстановиться должен тот же род. Ведь через кого бы

[творение] ни вернулось в свое состояние, оно будет стоять через того, кто и вернул его на прежнюю степень. Ибо когда Бог изначально сотворил человеческую природу в [лице] одного Адама, а женщину (дабы люди умножались, рождаясь от обоих полов) не пожелал иначе создать, нежели из Адама же, то ясно этим выказал, что Он все, что замыслил о человеческой природе, положил осуществить в Адаме. Поэтому-то если Адамов род будет восстановлен человеком, к нему не принадлежащим, то восстановится не на ту же степень достоинства, на которой был бы, если бы Адам не согрешил; а тогда и восстановится не окончательно, и не исполнит замысла Божьего, что не подобает. Значит, необходимо, чтобы от Адама происходил тот человек, который восстановит род Адама.

Б. Если мы следуем разуму, как и собирались, то это неизбежно должно быть так.

А. Исследуем теперь, подобает ли Богу облечься в природу человека, родившегося от отца и матери, как прочие люди, или от мужа без [участия] жены, или от жены без мужа. Ведь каким бы из этих трех способов он ни родился, он будет происходить от Адама и Евы, от которых произошел и всякий человек без различия пола. А из этих трех способов ни один не представляет для Бога меньшей трудности, нежели другой, чтобы быть из-за этого предпочтительнее.

Б. Ты хорошо развиваешь мысль.

А. Не нужно много трудиться, чтобы показать: чище и пристойнее этому человеку родиться от одного только мужа или от одной лишь жены, нежели от соития обоих, как все прочие сыны человеческие.

Б. Довольно об этом.

А. Значит, ему подобает родиться либо только от мужа, либо только от жены.

Б. Больше неоткуда.

А. Бог может сотворить человека четырьмя способами, а именно: либо от мужа и жены, что доказывает частый опыт; либо ни от мужа и ни от жены, как сотворил Адама; либо от мужа без участия жены, как сотворил Еву; либо от жены без участия мужа, чего еще никогда не совершал. Следовательно, дабы показать, что и такой способ находится в Его власти и для этой именно цели отлагалось его употребление, ничего нет лучше, как произвести искомого человека от жены без участия мужа. А от девственницы ли пристойнее это совершить или же от утратившей девственность, нет нужды и спорить, и можно утверждать безо всякого сомнения, что Богочеловеку надлежит родиться от Девы.

Б. Твои речи любезны моему сердцу.

А. Ну что, приведенные доводы - это нечто прочное, или же - как, по твоим словам, возражают неверные - нечто неосновательное, вроде облака?

Б. Ничего нет прочнее.

А. Живописуй теперь не по суетному измышлению, а по неколебимой истине и согласишься, весьма подобает, чтобы как грех человека и причина нашего осуждения начались от жены, так же от жены произошли бы и исцеление от греха, и причина нашего спасения. А чтобы женщины не отчаивались в возможности достичь блаженной участи из-за того, что столь великое зло пришло от жены, то для возрождения их надежды от жены же надлежит явиться и столь великому добру. Восписуй и так: раз девственница была причиной столь великого зла для рода человеческого, тем более надлежит, чтобы и виновница столь великого блага была Девой. Живописуй и так: коли женщина, созданная Богом из мужа без участия жены, была создана из девственника (т.е. Адама), то весьма пристойно, чтобы и муж, созданный из жены без участия мужа, родился от девственницы. Довольно, однако, рассуждать о живописных уподоблениях, показывающих, почему Богочеловек должен родиться от Жены-Девы.

Б. Эти картины весьма прекрасны и разумны.

ГЛАВА 9

НЕОБХОДИМО, ЧТОБЫ ТОЛЬКО СЛОВО СОЕДИНИЛОСЬ С ЧЕЛОВЕКОМ В ОДНОМ ЛИЦЕ

А. Теперь же необходимо исследовать, в каком Лице Бог, существующий в трех ипостасях, облечется в человека. Ведь несколько Лиц не могут одновременно облечься в одного и того же человека в одном лице. Поэтому необходимо, чтобы это совершило лишь одно Лицо.

Однако об этом соединении Бога и человека в одно лицо, а также о том, какой из Божественных Ипостасей пристойнее всего его совершить, я сказал уже вполне достаточно для нашего исследования в послании владыке папе Урбану, под названием "О воплощении Слова".

Б. Однако вкратце коснись того, почему воплотиться должно скорее Лицо Сына, нежели Отца или Святого Духа.

А. Если бы воплотилось какое-либо иное Лицо, в Троице оказалось бы два сына, а именно Сын Божий, Который и до воплощения был Сыном, и тот, что через воплощение стал сыном Девы; и тогда в Ипостасях, Которые должны быть всегда равны между Собой, окажется неравенство в достоинстве рождения. Ведь рождение родившегося от Бога будет выше достоинством, нежели рождение родившегося от девы. Опять-таки, если воплотится Отец, то в Троице окажутся двое внуков, ибо Отец будет тогда, по человеку, в которого облечется, внуком родителей девы, а Слово, хоть и не имеет ничего от человека, будет внуком девы, ибо окажется сыном ее сына. Все это - неподобающее и не касается воплощения Слова. Есть и иная причина, по которой Сыну более подобает воплотиться, нежели иным Лицам: пристойнее звучит: "Сын молит Отца", чем те же слова, сказанные об иных Лицах. И еще: и человек, за которого Сын будет умолять, и дьявол, с которым будет бороться, оба дерзостно присвоили себе ложное подобие Богу, и этим как бы в особенности погрестили против Лица Сына, Который есть, по нашей вере, истинное подобие Отца. А к кому более относится оскорбление, тому пристойнее и карать за преступление, и прощать. Поэтому, коли рассуждение неизбежно приводит нас к выводу, что Божественная и человеческая природы должны соединиться в одном лице и что это невозможно для нескольких Божественных Лиц [сразу], и ясно, что это пристойнее совершить Ипостаси Слова, нежели иным Лицам, то, значит, необходимо, чтобы в одном лице соединились Бог-Слово и человек.

Б. Путь, по которому ты меня ведешь, с обеих сторон обнесен столь прочной стеной разумных доводов, что мне от него ни вправо, ни влево не уклониться.

А. Не я тебя веду, а Тот, о Ком идет речь и без Чьей помощи мы ничего не можем, ведет нас обоих по пути истины.

ГЛАВА 10

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК УМИРАЕТ НЕ ПО ДОЛГУ. КАКИМ ОБРАЗОМ ОН МОЖЕТ - ИЛИ НЕ МОЖЕТ - ГРЕШИТЬ. ПОЧЕМУ ЕМУ И АНГЕЛАМ ПОДОБАЕТ ХВАЛА ЗА ПРАВЕДНОСТЬ, ХОТЯ ОНИ И НЕ МОГУТ ГРЕШИТЬ

Теперь мы должны рассмотреть, умирает ли Этот Человек по долгу, как по долгу умирают все остальные люди. Но ведь раз Адам не умер бы, если бы не согрешил, то тем менее должен претерпеть смерть Этот Человек, в котором не может быть греха, ибо Он - Бог.

Б. Тут мне хотелось бы тебя приостановить. Говорится ли, что Он может грешить или что не может, и в том и в другом случае у меня и то и другое вызывает немалое недоумение. Ведь если утверждается, что Он грешить не может, то, кажется, этому не должно верить. Я ненадолго заговорю не так, как будто Его никогда не было (мы ведь так поступали до сих пор), а как если бы и Он, и Его дела были нам известны; [так вот,] кто может отрицать, что Он не мог совершить многие поступки, которые мы называем грехом? Ибо (умолчу о прочем) как же мы скажем, что Он не мог солгать? а ведь ложь - всегда грех. Раз Он, к примеру, говорил иудеям об Отце: "Если скажу, что не знаю Его, то буду подобно вам лжец", и посреди этой речи произнес: "Не знаю Его", то неужели кто-нибудь сможет отрицать, что Он мог проговорить только эти три слова безо всех остальных, так что получилось бы "Не знаю Его"? А если бы Он это сделал, оказался бы, как Сам сказал, лжецом - то есть грешником. А если Он мог это сделать, то, значит, мог грешить.

А. И сказать это Он мог, и грешить не мог.

Б. Докажи.

А. Любая способность следует за волей. Ведь когда я говорю, что могу разговаривать или ходить, то подразумевается: если захочу. Если же воля не подразумевается, то это уже не способность, а [принуждающая] необходимость; ибо когда я говорю, что меня против воли могут влечь или побеждать, то это уже необходимость, и способность не моя, а другого человека. Поэтому "я могу быть влеком или побеждаем" означает не что иное, как "некто иной может меня влечь или побеждать". Следовательно, о Христе мы можем сказать, что Он мог лгать, если при этом подразумеваем: "если бы захотел". А так как Он не мог лгать, не желая этого, и не мог пожелать лгать, то совершенно правильно утверждать, что лгать Он не мог. Таким-то вот образом Он и мог лгать, и не мог.

Б. Продолжим теперь рассуждать о Нем так, как если бы Его никогда не было, как мы и начали. Так вот, я говорю: если он не сможет грешить, потому что, как ты утверждаешь, не сможет захотеть [грешить], то будет праведен по необходимости: ведь Он не по свободной воле будет держаться правды. Почему же тогда праведность должна вменяться ему в заслугу? Мы же привыкли утверждать, что Бог затем сотворил ангела и человека способными грешить, чтобы они, по свободной воле соблюдая правду, от которой могли бы и отступить, заслуживали почет и хвалу, которых иначе были бы недостойны.

А. А разве ангелы, неспособные грешить, не заслуживают хвалы?

Б. Заслуживают, потому что свою теперешнюю неспособность они заслужили тем, что могли согрешить, но не пожелали.

А. А что скажешь ты про Бога, Который не способен согрешить, однако не заслужил эту неспособность благодаря тому, что мог и не пожелал согрешить? Разве не подобает Ему хвала за Его правду?

Б. Я хочу, чтобы на этот вопрос ты ответил за меня. Ведь если я скажу, что Он хвалы не заслуживает, то знаю, что солгу; а если скажу, что заслуживает, опасаясь ослабить этим мое рассуждение об ангелах.

А. Ангелы не потому заслуживают хвалу за праведность, что могли согрешить, а потому, что этой неспособностью грешить некоторым образом обязаны сами себе; в этом они несколько походят на Бога, Который от Себя имеет все, чем владеет. Ведь дает тот, кто не отнимает, когда может, и создает тот, кто, имея возможность уничтожить, не делает этого. Так же, следовательно, и про ангела, имевшего возможность отнять у себя праведность и не отнявшего, имевшего возможность ее уничтожить и не уничтожившего, правильно говорится, что он сам себе даровал праведность и сам себя сделал праведным. Значит, он таким образом сам по себе обладает праведностью, потому что по-другому тварное существо ее само себе дать не может; и посему ему подобает хвала за правду, и праведен он не по необходимости, а добровольно - неправильно ведь говорить о необходимости, когда нет ни принуждения, ни запрета. Поэтому, так как Бог совершенным образом владеет всем, что Сам от Себя имеет, Ему подобает величайшая хвала за блага, которые Он имеет и хранит не по какой-то необходимости, а, как уже сказано, по собственной вечной неизменности. Так же и этот человек, который будет и Богом, все благое, чем будет владеть, получит от самого себя не по необходимости, а свободно; праведен он будет сам по себе, и за это будет достоин хвалы: ведь хотя человеческая природа и получит все, что будет иметь, от Божественной, но раз они обе будут слиты в одном лице, то он все свое будет иметь сам от себя.

Б. Ты мне удовлетворительно ответил, и я ясно вижу, что он и грешить не сможет, и будет, тем не менее, заслуживать хвалы за свою праведность. Но теперь, мне кажется, пора рассмотреть: если Бог может сотворить такого человека, то почему Он не сделал такими же и ангелов, и двух первых людей - чтобы они так же и грешить не могли, и заслуживали бы хвалы за праведность.

А. Ты понимаешь ли, что говоришь?

Б. Думаю, что понимаю, и потому-то и спрашиваю: отчего Бог не сотворил их такими?

А. Потому что и не должно было, и не могло случиться, чтобы хоть один из них был бы одним лицом с Богом, как тот человек, о котором мы ведем речь. А если ты спросишь,

почему Бог не вочеловечил [тогда] ни все Три Лица, ни хотя бы одно из Них, отвечу: потому что тогда разум этого никоим образом не требовал, а, напротив, запрещал - ведь Бог ничего неразумного не совершает.

Б. Краснею от стыда, что задал такой вопрос; продолжай же свою речь.

А. Итак, мы скажем, что он не должен будет умереть, потому что будет безгрешен.

Б. Мне приходится согласиться.

ГЛАВА 11

ОН УМИРАЕТ СВОЕЙ ВЛАСТЬЮ. СМЕРТНОСТЬ НЕ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА ЧИСТУЮ ПРИРОДУ ЧЕЛОВЕКА

А. Теперь остается исследовать, может ли он умереть по человеческой [своей] природе; ведь по Божественной природе Он вечно будет нетленным.

Б. А почему мы должны в этом сомневаться, раз он будет воистину человеком, а всякий человек по природе смертен?

А. Я не думаю, чтобы смертность была свойством чистой человеческой природы - она распространяется лишь на тленное естество человеческое. Ибо если бы человек не согрешил и его бессмертие стало бы неизменным, он, тем не менее, все был бы воистину человеком; и когда смертные люди восстанут в нетлении, их природа также будет человеческой. Ведь если бы смертность определяла подлинность человеческой природы, то бессмертные существа никоим образом не могли бы быть людьми. Следовательно, к подлинной основе человеческой природы тленность или нетленность не относятся: ни та, ни другая не делает человека человеком и не уничтожает его как человека; однако первая приводит его к страданию, а вторая - к блаженству. Но так как нет человека, который не умирал бы, философы включают смертность в определение человека, не веря, что все человечество некогда могло или сможет в будущем быть бессмертно. Поэтому, чтобы доказать, что человек, о котором мы рассуждаем, должен быть смертен, недостаточно просто сказать, что он воистину человек.

Б. Ты тогда и отыщи, если не знаешь, другое доказательство того, что он должен умереть; мне оно неизвестно.

А. Нет сомнения, что как Бог он будет всемогущ.

Б. Это правда.

А. Значит, если захочет, сможет положить свою душу и опять принять ее (Иоан. 10.17).

Б. Если он этого не может, то, выходит, не всемогущ.

А. Значит, он сможет и не умирать никогда, если захочет, и умереть, и воскреснуть. А положит ли он душу свою без какого-либо действия со стороны кого-либо другого, или другой будет действовать, а он лишь не будет препятствовать - ничего не меняет в его могуществе.

Б. Несомненно.

А. Значит, если захочет это допустить, то сможет быть убит, а если не захочет - не сможет.

Б. Разум неумолимо приводит нас к этому выводу.

А. Разум же и учит нас, что ему подобает еще обладать чем-то большим, нежели все творение, что он добровольно, а не по долгу отдаст Богу.

Б. Да.

А. А это нечто не может найтись ни в том, что ниже него, ни в том, что вне.

Б. Правда.

А. Значит, оно должно обнаружиться в нем.

Б. Одно следует из другого.

А. Значит, он даст или самого себя, или нечто от себя.

Б. Иначе я и помыслить не могу.

А. Теперь нужно исследовать, какого рода должно быть это даяние. Ведь себя или нечто от себя он не сможет дать Богу; потому что он сам, как и всякое творение, и без того принадлежит Ему.

Б. Это так.

А. Значит, это даяние нужно понимать таким образом, что он, к чести Бога, каким-либо образом отдаст самого себя, или нечто от себя, в чем Он не будет должником.

Б. Это вытекает из вышесказанного.

А. Если мы скажем, что он отдаст самого себя на послушание Богу и подчинит себя Его воле, стойко соблюдая правду, то это не будет такое даяние, которое бы не требовалось от него по долгу Богу, - ведь таким послушанием Богу обязана всякая разумная тварь.

Б. Этого нельзя отрицать.

А. Так что ему надлежит иным образом отдать Богу себя самого или нечто от себя.

Б. К этому выводу нас подталкивает разум.

А. Рассмотрим, не будет ли искомым - отдать свою жизнь, то есть положить свою душу, то есть предаться смерти, чтобы почтить Бога. Ведь этого Бог от него не требует как долга: раз в нем не будет греха, он, как сказано, не должен будет умереть.

Б. Иначе и понимать нельзя.

А. Рассудим, соответствует ли это разуму.

Б. Ты говори, а я охотно слушаю.

А. Если человек согрешил через сладость, то не подобает разве, чтобы принес удовлетворение горечью? И раз с такой легкостью был побежден дьяволом, что грехом нанес бесчестье Богу - ведь невозможно было обороняться слабее, то разве по справедливости не должен человек, приносящий удовлетворение за грех, к [вящей] чести Бога одержать победу над дьяволом с такой тяготой, больше которой нет? И разве не справедливо, чтобы тот, кто грехом отнял себя у Бога целиком и полностью, так и отдал бы Ему себя ради удовлетворения самым совершенным образом?

Б. Ничего не может быть разумней.

А. А для приумножения чести Божией добровольно, а не по долгу, не может ничего претерпеть человек горше и тяжелее, нежели смерть, и отдать себя Богу никак не может полнее, нежели предав себя смерти, чтобы почтить Его.

Б. Это все правда.

А. Значит, тому, кто хочет принести удовлетворение за грех человека, подобает быть способным и умереть, если захочет.

Б. Я ясно вижу, что человеку, которого мы ищем, подобает быть таким, чтобы он и не по необходимости умирал, так как всемогущ, и не по долгу, так как он никогда не согрешит, и мог бы умереть по свободной воле, ибо это необходимо.

А. Есть и еще много причин, в силу которых ему весьма подобает облечься в подобие и обычай безгрешного человека, - однако их легче и яснее можно показать в Его жизни и делах, нежели из доопытного теоретического рассуждения. Ведь разве возможно иначе показать, сколь необходимо, сколь мудро, чтобы Тот, Кто искуплением освободит людей от пути смерти и гибели и учением выведет на путь жизни и вечного блаженства, общался с людьми и в этом общении, на словах поучая должному, Сам Собою подавал пример? А каким образом мог бы Он являть Собою немощным и смертным [людям] пример того, как стойко держаться правды, несмотря на обиды, оскорбления, мучения и смерть, если бы они не узнали, что и Он пережил все это?

ГЛАВА 12

ХОТЯ ОН И УЧАСТВУЕТ В НАШИХ СКОРБЯХ, ОДНАКО НЕ НЕСЧАСТЕН

Б. Изо всего этого ясно видно, что ему надлежит быть смертным и участвовать в наших скорбях. Однако ведь они составляют наше несчастье. Так неужели он будет несчастен?

А. Никким образом. Ибо как благо, полученное против воли, не ведет к блаженству, так же и добровольное принятие на себя неких скорбей, мудро совершаемое безо всякого принуждения, не является несчастьем.

Б. Приходится согласиться.

ГЛАВА 13

В ОТЛИЧИЕ ОТ ДРУГИХ НАШИХ НЕМОЩЕЙ, ЕМУ НЕ ПРИСУЩЕ НЕВЕДЕНИЕ

А. Скажи-ка: уподобившись, как должно, человеку, будет ли он в числе прочих немощей разделять и наше неведение?

А. Почему ты сомневаешься во всеведении Бога?

Б. Потому что хоть по Божественной природе он и будет бессмертен, однако будет смертен по человеческой. Отчего же ему не быть, подобно человеку, воистину невежественным, коли он будет воистину смертен?

А. Восприятие человека в единстве лица будет премудро совершено высшей премудростью, и поэтому Бог не примет на Себя то из человеческого, что никоим образом не полезно, а, [напротив], весьма вредно для подвига, который этому человеку предстоит свершить. Ибо как совершит он столь многие, столь великие деяния без неисчерпаемой мудрости? И как поверят ему люди, если увидят его неведение? А если даже и не увидят, какую пользу принесет ему это незнание? Наконец, раз любить можно только то, что знаешь, то как не будет блага, которого бы он не любил, так же и не будет добром все то, чего он не будет знать. Благо же никто не познал в совершенстве, не научившись отличать его от зла. А на такое различие не способен тот, кому неведомо зло. Значит, тот, о ком мы ведем речь, в совершенстве ведая все благое, будет также знать и все зло. Значит, у него будет вся полнота знания, хотя бы он и не выказывал его прилюдно в общении.

Б. То, о чем ты говоришь, относится, кажется, к зрелому возрасту; но в детстве, когда время будет неподходящим для проявления мудрости, в ней и нужды не будет, и поэтому не подобает, чтобы он ею обладал.

А. Разве я не сказал, что это воплощение совершится премудро? Ведь Бог мудро облечется в смертность, которой и воспользуется премудро, то есть с великой пользой. Неведение же Он на Себя не сможет принять промыслительно, ибо оно никогда не приносит пользы, а один лишь вред - разве что случается, что благодаря ей злая воля удерживается от действия, но в нем никогда не будет злой воли. Даже когда невежество и не вредит в чем-то, оно вредно уже тем только, что лишает блага знания. И, [наконец,] чтобы кратко разрешить твое недоумение, [скажу]: как человек он всегда будет исполнен Богом, как самим собой, и поэтому всегда будет обладать Его могуществом, силой и мудростью.

Б. Хоть я и не сомневаюсь, что Христос всегда ими обладал, я задал вопрос, чтобы услышать от тебя разумное обоснование и этого тоже: ведь мы часто бываем уверены в чем-то, а доказать это по разуму не можем.

ГЛАВА 14

КАКИМ ОБРАЗОМ ЕГО СМЕРТЬ ПЕРЕВЕШИВАЕТ МНОЖЕСТВО И ТЯЖЕСТЬ ГРЕХОВ ВСЕХ [ЛЮДЕЙ]

Теперь же прошу тебя: объясни мне, каким образом его смерть перевесит множество и тяжесть грехов всех людей, когда ты показал, что даже один, кажущийся нам легчайшим, грех [уже] столь бесконечно велик, что если бы существовало бесконечное число миров, так же населенных живыми существами, как и наш, и эти миры от превращения в ничто мог бы спасти только один взгляд, брошенный против воли Божией, то и тогда не стоило бы совершать такой грех.

А. Если бы этот человек был тут, и ты знал бы, кто это, и тебе бы сказали: "Если не убьешь этого человека, погибнет и весь этот мир, и все, что не Бог", - ты сделал бы это, чтобы спасти все творение?

Б. Не сделал бы, даже если бы предо мною предстало бесчисленное множество миров.

А. А если бы тебе сказали: "Или ты его убьешь, или все грехи мира падут на твою голову?"

Б. Я бы ответил, что скорее приму на себя все прочие грехи - не только грехи прошлые и будущие этого мира, но и все, какие только можно измыслить кроме них, - чем один этот грех. Ибо я считаю, что не только за убийство, но даже за любое малейшее ранение, нанесенное ему, я должен буду нести ответ.

А. Ты правильно думаешь. Но скажи мне, почему так судит твое сердце, что сильнее ужасается одного греха, заключающегося в оскорблении этого человека, чем всех грехов, какие только можно измыслить, - ведь любые грехи совершаются против него?

Б. Потому что грех, совершенный по отношению к его лицу, несравненно тяжелее всех, не относящихся к его лицу, какие только можно себе представить.

А. А что ты скажешь на это: часто ведь охотно переносят личные тяготы, лишь бы не потерпеть большего ущерба в своем имуществе?

Б. Что Богу нет нужды их переносить, ибо все и так подвластно Ему, как ты ответил на один из моих вопросов.

А. Ты хорошо отвечаешь. Значит, как мы видим, с насилием над телесной жизнью этого человека не может сравниться никакое бесчисленное множество грехов, не относящихся к лицу Бога.

Б. Это совершенно очевидно.

А. Сколь же велико, по твоему мнению, то благо, уничтожение которого является столь великим злом?

Б. Раз всякое благо является стольким добром, скольким злом является его уничтожение, то оно является благом в несравненно высшей степени, нежели являются злом те грехи, которые безмерно превосходят убийство этого человека.

А. Ты правду говоришь. Прими еще во внимание, что грехи ненавистны в той же степени, в какой являются злом, а жизнь этого человека любезна в той же степени, в какой является добром. А из этого следует, что жизнь этого человека более достойна любви, нежели грехи - ненависти.

Б. Мне это совершенно понятно.

А. Не думаешь ли ты, что столь великое благо и столь достойное любви достаточно, чтобы уплатить долг за грехи всего мира?

Б. Она даже стоит бесконечно больше.

А. Значит, ты теперь понимаешь, почему эта жизнь победит все грехи, если будет отдана в уплату за них.

Б. Ясно понимаю.

А. А коли отдать жизнь значит принять смерть, то как принесение в жертву жизни этого человека перевешивает все человеческие грехи, так же и принятие им смерти.

Б. Несомненно, что это относится ко всем грехам, не затрагивающим лицо Бога.

ГЛАВА 15

КАКИМ ОБРАЗОМ ЭТА СМЕРТЬ УНИЧТОЖАЕТ ДАЖЕ ГРЕХИ ТЕХ, КТО УБИВАЕТ ЕГО

Но теперь мне надлежит рассмотреть еще один вопрос. Ведь если его убийство является столь же великим злом, сколь великим благом является его жизнь, то каким же образом его смерть сможет превзойти и уничтожить грехи тех, кто его убил? А если она уничтожает грех какого-нибудь из его убийц, то как же может уничтожать еще и грехи других людей? Ведь мы верим, что и из убийц его многие спаслись и бесчисленное множество других спасается.

А. Вопрос этот разрешил апостол, сказавший, что "если бы познали, то не распяли бы Господа славы" (1 Коринф. 2.8). Ведь грех, совершаемый сознательно, и поступки, совершаемые по незнанию, настолько различаются, что зло, которого из-за безмерности [убийцы], никогда не смогли бы причинить, если бы "познали", оказывается грехом простительным, ибо оно совершено по незнанию. Ведь сознательно никогда никакой человек не захотел бы убить Бога, и поэтому те, кто убил Его по неведению, не впади в этот бесконечно тяжкий грех, с которым никакие другие грехи не сравнятся. Ведь вывод его безмерность из бесконечности блага, каким является жизнь [Богочеловека], мы рассматривали этот грех как совершенный не по незнанию, а как бы сознательно, на что никто никогда не был и не мог быть способен.

Б. Ты рационально доказал, что прощение грехов могло простираться и на убийц Христа.

А. Чего же ты еще хочешь? Ты уже понял, как рациональная необходимость показывает, что высший град должен быть дополнен до совершенства людьми и что это может осуществиться лишь через прощение грехов, которого ни один человек не может получить иначе, нежели от такого человека, который сам был бы Богом и своей смертью примирил бы с Богом грешных людей. Следовательно, вот мы и дошли до Христа, о Котором исповедуем, что Он и Бог, и человек, и умер за нас. Усвой, однако, совершенно несомненно вот что: все, что Он сказал, - совершенная правда, ибо Бог не может лгать, а все, что совершил, - безусловно, совершил мудро, хотя бы нам и были непонятны причины, по которым Он то или иное сказал или сделал.

Б. Ты правду говоришь, и я нисколько не сомневаюсь, что Его слова - истина, а дела - совершены по разуму. Однако я прошу, чтобы если неверным кажется, будто нечто в христианской вере является неподобающим или невозможным, ты открыл бы мне, по какой разумной причине этому подобает или возможно произойти, - не для того, чтобы укрепить меня в вере, а дабы уже укрепившемуся подарить [еще и] радость понимания истины.

ГЛАВА 16

КАКИМ ОБРАЗОМ ИЗ ГРЕШНОЙ МАССЫ БОГ ВЗЯЛ ЧЕЛОВЕКА БЕЗ ГРЕХА. О СПАСЕНИИ АДАМА И ЕВЫ

Поэтому, как ты раскрыл уже причины того, о чем говорилось до сих пор, так же, пожалуйста, покажи и причины того, о чем я еще спрошу: прежде всего, каким образом из грешной массы, то есть из человеческого рода, всецело зараженного грехом, Бог избрал безгрешного человека, будто закваску из теста? Ведь хотя само зачатие этого человека чисто и не запятнано грехом плотского вожделения, сама-то дева, от которой он сотворен, была "зачата в беззаконии", и "во грехе родила" ее мать (Пс. 50.7), и родилась она с первородным грехом, ибо согрешила в Адаме, "в котором все грешны".

А. Когда твердо установлено, что этот человек - и Бог, и Искупитель грешников, никакого нет сомнения, что он совершенно безгрешен; а этого не может быть, если он не был взят из грешной массы без греха. Если же мы не можем понять, каким образом премудрость Божия это совершила, то должны не недоумевать, а благоговейно принять, что в тайне этого свершения есть нечто, чего мы не знаем. Ибо восстановление человеческой природы Бог совершил более изумительным образом, нежели ее создание. Богу одинаково легко и то, и другое; но человек, пока его не было, не грешил, так что не за что было его не создавать. А когда он был создан, своим грехом заслужил утратить то, к чему был предназначен, хотя и не утратил самого своего бытия, чтобы было кого карать и миловать Богу, - ведь ни то, ни другое не было бы возможно, если бы человек полностью обратился в ничто. Настолько же, значит, изумительнее Бог восстановил человека, чем его создал, насколько незаслуженное благодеяние грешнику изумительнее благодеяния не согрешившему и не заслужившему кары. Настолько же удивительно то, что Бог и человек соединяются так, что при сохранении целостности каждой природы Один и Тот же является и Богом, и Человеком. Кто же осмелится хотя бы помыслить, что человеческий ум может проникнуть в то, каким премудрым и непостижимым образом свершилось столь чудесное дело?

Б. Я согласен, что никто в сей жизни не может полностью раскрыть эту тайну, да и не прошу от тебя того, что никому невозможно. Но сделай, что можешь: ведь ты скорее убедишь в том, что тут скрыты высшие причины, если изъяснишь хотя бы какую-нибудь, а не покажешь, промолчав, что не видишь никаких.

А. Вижу, не освободиться мне от твоей навязчивости. Но если я и смогу хоть сколько-нибудь изъяснить то, о чем ты спрашиваешь, возблагодарим за это Бога; если же не смогу, довольно будет и того, что уже доказано. Ведь раз установлено, что Богу подобает сделаться человеком, нет сомнения, что у него достанет и мудрости, и могущества совершить это без греха.

Б. Охотно соглашусь с этим.

А. Подобало, во всяком случае, чтобы совершенное Христом искупление пошло на пользу не только тем, кто жил в то время, но и всем остальным. Представим себе пешего царя, в одном из владений которого весь народ, за исключением одного человека - принадлежащего, однако, к тому же роду, - совершил против него такое преступление, что никому из них нельзя избежать наказания смертью. А тот, что один невиновен, пользуется такой милостью царя, что может - и так любит преступников, что хочет, - всех, кто последует его совету, примирить с царем посредством некоей услуги, весьма приятной царю, которую он собирается исполнить в день, назначенный по царскому произволению. А так как не все нуждающиеся в прощении могут собраться в указанный день, царь ради значительности этой услуги согласился, чтобы всякий, кто или до, или после того дня объявит, что желает получить помилование ради совершенного тогда подвига и присоединиться к заключенному договору, полностью освобожден от вины за прошлое. А если случится так, что после этого прощения кто-либо снова согрешит, то принесет достойное удовлетворение и исправившись, опять будет прощен по силе того же условия. Все это, однако, при условии, чтобы никто не смел войти в царский дворец, пока не будет выполнена [великая] услуга, ради которой отпускается всем вина. В соответствии с этим подобием, и в смерти Христа была такая сила, что действие ее распространяется и на отсутствовавших в том месте или в то время, - ибо все люди, которых надлежало спасти, не могли там находиться одновременно. А что [смерть Его] была благотворна не только для тех, кто при ней присутствовал, легко понять из того, что это было бы невозможно для столь многих людей, сколько потребно для построения высшего града - даже если бы все, кто во время Его смерти находились где бы то ни было [на земле], сделались бы соучастниками искупления; ведь демонов, которых надлежит заместить [праведникам], - большее число, нежели тогда существовало людей. И не следует верить, что после сотворения человека этот мир, населенный тварями, предназначенными на пользу человека, когда-либо был настолько бесплоден [vacuus], чтобы в нем не было никого, достигшего предначертанной человеку цели. Ведь, по-видимому, не подобает Богу хоть на мгновение допустить, чтобы род человеческий и все, что создано для пользы созданий, которые исполняют совершенство высшего града, существовали как бы впустую. Ибо их существование в каком-то отношении окажется бесполезным, доколе они не будут продвигаться к цели, ради которой главным образом и были созданы.

Б. Ты подходящими и, кажется, неопровержимыми доводами доказал, что после создания человека не было такого времени, когда не жил бы хоть кто-то, достигший примирения [с Богом], без которого все люди оказались бы созданными впустую. Мы можем заключить, что это не только разумно [conveniens], но и необходимо. Ведь раз это более разумно и пристойно, нежели если бы когда-то не было [на свете] никого, на ком осуществился бы первоначальный замысел Бога о человеке, и раз ничто этому рассуждению не противоречит, необходимо, чтобы всегда существовал некто, достигший предначертанного примирения. А отсюда несомненно следует, что и Адам с Евой его достигли, хотя Божественное Писание и не сообщает об этом явно.

А. Да, невероятно кажется, чтобы, создав их и непреложно положив произвести от них всех людей, которых примет в небесный град, Бог именно их двоих и исключил бы из Своего замысла.

Б. Напротив, следует думать, что они главным образом для того и были сотворены, чтобы от них произошли те люди, ради которых и был создано человечество.

А. Ты хорошо рассуждаешь. Однако ни одна душа не могла до смерти Христа войти в рай небесный, как я уже показал, говоря о царском дворце.

Б. Мы так и веруем.

А. А Дева, от которой был произведен тот Человек, о котором мы рассуждаем, родилась от людей, которые еще до Его рождения были благодаря Ему очищены от греха, так что Он произошел от нее в присущей Ему чистоте [in eius ipsa munditia].

Б. С твоими словами я бы с радостью согласился, если бы не выходило, что Он, кому подобает от Самого Себя обладать чистотой от греха, получает ее от матери, и оказывается чистым не Сам по Себе, а по матери.

А. Это не так: ведь раз чистота матери, по которой Он и Сам чист, была от Него, то Он выходит [безгрешно] чист Сам по Себе и благодаря Самому Себе.

Б. Об этом хорошо [сказано]. Однако, мне кажется, нужно исследовать еще кое-что. Вот мы сказали выше, что умер Он не по необходимости, а теперь видим, что Его мать благодаря Его будущей смерти была чиста [от греха] - а если бы не была, то Он бы не мог от нее родиться. Так как же Он умер не по необходимости, раз мог родиться только потому, что впоследствии умер? Ибо если бы Он не умер, Дева, от которой Он родился, не была бы чиста [от греха], так как это стало возможно только благодаря уверенности в Его [будущей] смерти, и [тогда] Он не мог бы произойти от нее. Так что если бы Он не умер по необходимости, после того как родился от Девы, [это значило бы, что] Он, уже родившись, мог не быть от нее рожден - а такое невозможно.

А. Если ты внимательно обдумаешь то, что было сказано выше, ты поймешь, думаю, что этот вопрос уже разрешен.

Б. Не знаю только, каким образом.

А. Разве, исследуя, мог ли Он лгать, мы не показали, что во лжи есть две способности, а именно: одна - пожелать солгать, а другая - солгать; и что имея способность солгать, Он Сам от Себя обладал неспособностью пожелать солгать и поэтому заслуживает хвалу за Свою праведность, благодаря которой стоял в истине?

Б. Да, показали.

А. Подобным же образом и в сохранении [своей] жизни присутствуют способность пожелать этого и способность ее сохранить. Значит, когда возникает вопрос, мог ли Богочеловек сохранить Свою жизнь, так чтобы никогда не умирать, не приходится сомневаться, что Он всегда обладал способностью сохранить ее, хотя и не мог захотеть сохранить жизнь и не умирать; а так как этой неспособностью захотеть Он был обязан Самому Себе, то душу Свою положил не по необходимости, а по свободной воле.

Б. Не совсем одинаковы были в Нем эти способности - лгать и сохранить жизнь. Ведь выходит, что если бы пожелал солгать, то смог бы; а вот если бы захотел не умирать, то это для Него было бы не более возможно, нежели не быть Самим Собой. Ведь Он для того сделался человеком, чтобы умереть, и именно благодаря этой будущей смерти смог, как я уже говорил, произойти от Девы.

А. Как ты считаешь, что Он не мог не умереть или умер по необходимости, потому что не мог не быть тем, чем был, так же можешь и утверждать, что Он не мог пожелать не умереть или захотеть умереть по необходимости, потому что не мог не быть Самим Собой, Ведь Он вочеловечился скорее для того, чтобы пожелать умереть, нежели ради самой смерти. Поэтому как ты не должен утверждать, что Он не мог пожелать не умирать или пожелал умереть по необходимости, так же нельзя и говорить, что Он не мог не умереть или умер по необходимости.

Б. Тем не менее раз и сама смерть, и желание умереть происходят по одной и той же причине, кажется, что и то, и другое было необходимо.

А. Кто добровольно пожелал сделаться человеком, чтобы вследствие той же неизменной воли умереть? И через чье слово уверения очистилась Дева, от которой родился этот Человек?

Б. Бог и Сын Божий.

А. А разве не было уже доказано выше, что воля Божия не ограничивается никакой необходимостью, а сама по себе пребывает в свободной неизменности, даже когда говорится, что она нечто совершает по необходимости?

Б. Воистину доказано; но, с другой стороны, мы видим, что чего Бог неизменно желает, то не может не быть и необходимо должно быть, и поэтому если Бог пожелал, чтобы Человек этот умер, то Он уже и не мог не умереть.

А. Из того, что Сын Божий облекся в человека с замыслом умереть, ты выводешь, что Человек этот не мог не умереть.

Б. Я так считаю.

А. А разве из сказанного не явствует также, что Сын Божий и человек, в которого Он облекся, - одно лицо, так что Бог и Человек, Сын Божий и Сын Девы - Один и Тот же?

Б. Это так.

А. Следовательно, один и тот же человек по своей воле и не умереть не мог, и умер.

Б. Не могу этого отрицать.

А. Значит, раз воля Божия ничего не творит по необходимости и всегда действует самовластно, а его воля была волей Бога, Он умер не по необходимости, а самовластно.

Б. Не могу возражать на твои доказательства: ведь ни твои исходные положения, ни следствия, которые ты из них выводешь, я никоим образом не могу опровергнуть. Однако мне постоянно приходит на ум то, о чем я говорю; что если бы Он пожелал не умирать, то это было бы для Него не более возможно, нежели не быть Самим Собой. Ибо Он воистину должен был умереть, потому что если бы это было не так, не была бы истинной и уверенность в Его будущей смерти, благодаря которой и Дева, Его родившая, и многие другие люди очистились [от греха]; а ведь если бы эта уверенность не была истинной, то и произвести ничего не смогла бы. Поэтому если бы Он смог избежать смерти, [это значило бы, что] Он смог сделать истинное ложным.

А. Почему еще до Его смерти было истинно, что Он умрет? Б. Потому что Он Сам этого пожелал неизменной волей.

А. Значит, если Он потому, как ты говоришь, не мог не умереть, что Он поистине намеревался умереть, а это потому было истинно, что Он Сам пожелал того свободной и неизменной волей, следует отсюда, что Он именно из-за того и не мог не умереть, что неизменной волей пожелал умереть.

Б. Да. Однако какова бы ни была причина, остается правдой, что Он не мог не умереть и что было необходимо, чтобы Он умер.

А. Ты за пустяк уцепился и, как говорится, ищешь грушу на яблоне.

Б. А ты разве забыл, как я возражал на твои отговорки в самом начале нашей беседы? - [я говорил, что] исполняя мою просьбу, ты сделаешь это не для ученых, а для таких как я и те, кто тебя просил вместе со мною. Так что уж терпи, продолжай, что начал, и удовлетвори наше тугодумие и тупость даже в ребяческих вопросах.

ГЛАВА 17

ДЛЯ БОГА НЕТ НЕОБХОДИМОГО ИЛИ НЕВОЗМОЖНОГО. НЕОБХОДИМОСТЬ БЫВАЕТ ПРИНУЖДАЮЩАЯ И НЕ ПРИНУЖДАЮЩАЯ

А. Мы уже выяснили, что неуместно говорить о Боге "не может чего-то" или "по необходимости делает". Ибо всякая необходимость и невозможность подвластны Его воле, воля же Его никакой необходимости или невозможности не подчиняется - ведь ничто не необходимо и не невозможно, если Он так не пожелает; а о Нем Самом ложно утверждать, будто Он чего-либо желает или не желает по необходимости или невозможности. Поэтому делает Он все, что захочет, и только то, что захочет; и как никакая необходимость или невозможность не предопределяет [praecedit] Его волю, так же не предопределяет и Его действие, хотя Он и желает многое неизменно, и делает. И когда Бог совершает что-нибудь, то когда оно исполнено, оно уже не может не быть совершенным, и навсегда истинно, что оно совершено. Но, тем не менее, неправильно утверждать, что для Бога невозможно сделать прошлое несбывшимся, ибо в этом проявляется никак не необходимость не совершить или невозможность совершить, а одна лишь Божия воля, желающая, чтобы истина всегда оставалась неизменной, ведь воля Бога сама и есть истина. Поэтому, несмотря на то, что если Бог непреложно замыслит совершить нечто, то, несмотря на то, что задуманный Им замысел был прежде, он таков, что не может не совершиться в будущем, - нет в Его действии ни необходимости, ни невозможности не действовать, ибо проявляется здесь одна

лишь Его воля. И когда говорится, что Бог "не может", то этим не отрицается в Нем возможность, а обозначается непреодолимая сила Его и мощь; ведь туг имеется в виду, что ничто поможет заставить Его сделать то, о чем говорится, что "Он не может" этого. Такой способ речи ведь очень употребителен, когда о чем-то говорится, что оно "может", хотя сама способность принадлежит не этой вещи, а иной; и говорится "не может", когда неспособна не сама эта вещь, а иная. Мы, например, говорим: "Этот человек может быть побежден" вместо: "Некто может его победить" и "Он не может быть побежден" вместо: "Никто его победить не может". Ведь мочь быть побежденным есть не способность, а неспособность, и не мочь быть побежденным - не неспособность, а способность. И про Бога мы говорим, что Он нечто совершает по необходимости, не потому, что для Него существует какая-то необходимость, а потому, что она принуждает кого-то другого, как я объяснил про невозможность и слова "не может". Ибо любая необходимость есть или принуждение, или запрещение, и обе эти противоположные необходимости взаимно превращаются одна в другую - как, [например], необходимость и невозможность; ведь тому, что принуждается быть, воспрещается не быть, а тому, что принуждается не быть, воспрещается быть. Когда же мы говорим, что Богу нечто необходимо или не необходимо, то не следует понимать, что в Нем есть некая принуждающая или запрещающая необходимость, но это значит, что во всем остальном [мироздании] существует необходимость, запрещающая ему действовать и принуждающая не действовать противно тому, что сказано о Боге. Когда, например, мы говорим: "Необходимо, чтобы Бог всегда говорил истину и никогда не лгал", то имеется в виду не что иное, как великая Его неизменность в соблюдении правды, из-за которой по необходимости ничто [во всем остальном мироздании] не может склонить Его не сказать правду или солгать.

Посему когда мы говорим, что этот Человек - как уже сказано, согласно единству лица, сам Сын Божий и Сам Бог - не мог не умереть или захотеть не умирать, после Своего рождения от Девы, то эти слова никоим образом не значат, будто Он был неспособен сохранить Свою жизнь или пожелать ее сохранить, а указывают на неизменность Его воли, свободно следуя которой Он для того вочеловечился, чтобы умереть, постоянно сохраняя ту же волю, а еще на то, что ничто ее не могло изменить. Ведь если бы Он мог пожелать солгать, или обмануть, или переменить Свой замысел, то это была бы скорее неспособность, нежели способность. Кроме того, как я уже говорил выше, если некто по доброй воле решится совершить некое благое дело и, следуя той же воле, потом его и в самом деле совершит, то, даже если бы он мог подвергнуться принуждению, коли не пожелал бы исполнить обещанного, нельзя о нем, тем не менее, сказать, что он действовал по необходимости, а не по той же свободной воле, по которой [изначально] решил поступить; ибо там, где проявляется воля, а не необходимость или неспособность, невозможно говорить, что нечто делается по необходимости или неспособности. Так вот, я и говорю, что раз это верно в отношении человека, то тем более приложимо к Богу, относительно Которого никоим образом невозможно вести речь о необходимости или неспособности - ведь Он действует лишь так, как пожелает, и никакая сила не может принуждать или удерживать Его волю. А вследствие разницы природ во Христе при единстве лица было возможно, чтобы все, чему потребно было произойти для восстановления человека, совершалось Божественной природой, когда это было не по силам для человеческой, и проявлялось в человеческой, когда это не подобало Божественной; а Он Сам при этом не был иным лицом и иным, а всегда Самим Собой, воистину существуя в обеих природах, и по человеческой уплачивал долг человечества, а по Божественной - мог все совершать, что было потребно. Да и Дева, наконец, очищенная верой, дабы Он мог от нее родиться, никак не верила, что Он умрет не по Своему желанию, ибо была научена пророком, изрекшим о Нем: "Принесен был в жертву, ибо Сам пожелал" (Ис. 53.7), а раз вера ее была истинна, то по необходимости должно было произойти так, как она верила. Если тебя сейчас снова смутило, что я говорю "должно было по необходимости", то вспомни, что не истинность веры Девы была причиной Его будущей добровольной смерти, а вера ее потому была истинна, что так и должно было

произойти. Поэтому когда говорится: "Необходимо было, чтобы [Он] умер по [Своей] воле, ибо истинна была вера, или пророчество, предшествовавшие этому", то это все равно, как если бы сказать: "Необходимо было этому произойти, ибо это впоследствии произошло". Однако же такого рода необходимость не принуждает вещь к бытию, а само бытие вещи принуждает необходимость к бытию. Ведь существует предваряющая необходимость, которая и есть причина осуществления явления, а есть и необходимость последующая, которую создает явление. О предваряющей и причинной необходимости идет речь, когда говорится, что небо вращается, ибо ему необходимо вращаться. Когда же я утверждаю, что ты по необходимости беседуешь, раз беседуешь, то речь идет о необходимости последующей, которая ничего не осуществляет, а сама создается [явлением]; ведь утверждая это, я хочу сказать, что никак быть не может, чтобы, беседуя, ты не беседовал, а вовсе не имею в виду, что тебя нечто принуждает беседовать. Небо ведь принуждается вращаться усилием природного состояния, тебя же ничто не заставляет беседовать. Причем повсюду, где имеет место предваряющая необходимость, существует и последующая, но не всегда где есть последующая, тут же непременно и предшествующая - ведь мы, к примеру, можем сказать: "Необходимо, чтобы небо вращалось, коли оно вращается", но неверно подобным же образом утверждать, что ты потому беседуешь, что необходимо, чтобы ты беседовал. А последующая эта необходимость проходит по всем временам таким образом: что произошло, тому необходимо было произойти; что происходит, тому необходимо происходить и [ранее] необходимо было, чтобы оно впоследствии произошло; что произойдет, тому необходимо произойти [в будущем]. Это и есть та необходимость, которая, как говорит Аристотель, рассуждая об утверждениях, относящихся к частным случаям и к будущему, по-видимому, полностью уничтожает и частное, и будущее, дабы заново все воссоздать как необходимое. Вот именно по этой последующей и ничего не осуществляющей необходимости и было необходимо, чтобы Христос умер добровольно, а не по необходимости, потому что были истинны предсказания о Христе и вера [Девы], что это так будет. По ней был создан человек; по ней же и совершил [Богочеловек] и претерпел то, что совершил и претерпел; по ней же и пожелал все то, чего пожелал. Значит, произошло это по необходимости, раз должно было произойти; и должно было произойти по необходимости, потому что произошло; и произошло, потому что произошло. А если ты хочешь узнать воистину, по какой необходимости Он совершил все, что совершил, и претерпел все, что претерпел, то знай, что это была необходимость, вытекающая из Его воли. Воле же Его воистину не предшествовала никакая необходимость; и раз все это произошло потому только, что Он Сам этого пожелал, то, значит, если бы не пожелал, то не произошло бы. Так что "никто" не взял "душу" Его у Него, а Сам Он положил ее и "опять" взял "ее", потому что имел "власть отдать душу Свою и опять принять ее" (Иоан. 10.18), по слову Своему.

Б. Ты мне удовлетворительно объяснил, что никак нельзя доказать, будто Он по какой-то необходимости претерпел смерть, и я не жалею, что докучал тебе просьбами об этом.

А. Думаю, мы показали определенный смысл того, почему Бог воплотился в безгрешного человека, взятого из грешной: массы, но считаю, что нельзя отрицать существования и других доводов, кроме упомянутых, - не говоря уж о том, что Бог способен на такие действия, которых ум человеческий постичь не в состоянии. Но так как мне и сказанного уже кажется довольно - да вдобавок если бы я сейчас захотел отыскивать и другие доводы, то пришлось бы исследовать, что такое первородный грех и каким образом он распространился от прародителей на весь род человеческий, исключая Того, о Ком мы говорим, и заняться кое-какими еще вопросами, требующими отдельной книги, - то посему, удовлетворившись вышесказанным, перейдем к оставшейся части начатого труда.

Б. Как хочешь; с тем, однако, условием, чтобы ты с помощью Божией сообщил и это другое рассуждение, как бы уплачивая долг.

А. Я сознаю, что мне этого и самому хочется, и поэтому не откажу тебе; но не имея уверенности в будущем, обещать не осмелюсь, а предоставлю это промыслу Божию.

ГЛАВА 18

КАКИМ ОБРАЗОМ ЖИЗНЬ ХРИСТА ИДЕТ В УПЛАТУ БОГУ ЗА ГРЕХИ ЛЮДЕЙ. КАКИМ ОБРАЗОМ ХРИСТОС И ДОЛЖЕН, И НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ ПРЕТЕРПЕТЬ СТРАДАНИЕ

Скажи-ка теперь, что еще кажется тебе подлежащим разрешению в том вопросе, который ты предложил изначально и к которому примешались многие другие.

Б. Главный вопрос был в том, почему Бог вочеловечился, чтобы смертью Своей спасти людей, когда, кажется, это можно было сделать и [как-нибудь] по-другому. Приведя в ответ многие убедительные рассуждения, ты показал, что восстановление человеческой природы нельзя было отлагать, а осуществиться оно могло тогда только, когда человек заплатит Богу долг за свой грех. Грех же этот так был велик, что уплатить его мог только Бог, хотя должен был человек, так что плательщик мог быть лишь Богом и человеком в одном лице. А отсюда возникла необходимость, чтобы Бог облекся в человека, соединившись с ним в одно лицо, дабы тот, кто был должен и не мог уплатить по природе, был в лице того, кто был способен на это. Затем [ты показал, что] в человека этого, делающегося и Богом, надлежит воплотиться Лицу Сына, и что этому человеку надлежит родиться от Девы. Ты явно доказал также, что жизнь этого человека столь возвышенна и многоценна, что ее с бесконечным избытком довольно для уплаты долга за грехи всего мира. Теперь остается лишь показать, каким образом она идет в уплату Богу за грехи людей.

А. Если Он позволил Себя убить за правду, то разве не отдал Свою жизнь ради чести Бога?

Б. Насколько я в состоянии понимать то, во что верю без сомнения (хоть мне и неясно, почему это было разумно, - ведь Он мог и правду неуклонно блюсти, и жизнь Свою вечно хранить), Он, по-моему, ради чести Божией добровольно отдал Богу нечто такое, с чем ничто, кроме Бога, сравниться не может и что достаточно для уплаты долга всех людей.

А. А разве ты не понимаешь, что, с кротостью и смирением претерпев ради правды, которой неуклонно служил, оскорбления, побои и смерть на кресте вместе с разбойниками, Он подал людям пример той стойкости в правде наперекор всевозможным страданиям, которая и составляет их долг Богу? Ведь Он не смог бы этого сделать, если бы по Своему могуществу уклонился от смерти, причиняемой Ему именно за эту стойкость.

Б. Кажется, что этот пример Он подал безо всякой необходимости, ибо известно, что многие до Его пришествия - а Иоанн Креститель и после - мужественно приняли смерть за правду и могли бы служить достаточным примером.

А. Ни один человек до Него своей смертью не отдал Богу ничего такого, чего ему рано или поздно не пришлось бы по необходимости утратить; ни один также не уплатил того, чего не был бы должен. Христос же добровольно принес Отцу то, что никакая необходимость у Него никогда не отняла бы, и уплатил за грешников то, чего Сам по Себе не был должен; и поэтому Он гораздо убедительнее подал столь великий пример, учащий, что каждый [человек], когда этого требует разум, должен без сомнения отдать Богу то, что все равно рано или поздно неизбежно утратит; Он-то ведь и не нуждался ни в чем для Себя, и за других - от которых ничего, кроме мук, не получил - принуждаем не был, а отдал столь драгоценную Свою жизнь, всего Себя, столь великое Лицо, следуя столь [благой и неуклонной] воле!

Б. Ты значительно приблизился к исполнению моего желания. Позволь, однако, чтобы я задал еще один вопрос - который хотя и может тебе показаться глупым, однако меня затрудняет, и я не знаю, что ответить, если у меня спросят. Ты говоришь, что, умерев, Он отдал то, что не составляло Его долга; но никто ведь не будет отрицать, что Он поступил гораздо лучше, дав такой пример таким подвигом, и более угодил Богу, чем если бы Он этого не сделал; никто и не скажет, что Он не должен был совершить лучшее, более, как Он знал, угодное Богу. Каким же образом сможем мы утверждать, что Он не был должен Богу совершить, что совершил, то есть то, что, как Он знал, было и лучше, и угоднее Богу, - когда всякое создание обязано Богу всем своим существованием, знанием и силами?

А. Хоть любое тварное существо и не имеет ничего от себя, однако, когда Бог позволяет ему неосужденно сделать или же не сделать что-либо, Он предоставляет творению выбор в бытии таким образом, что даже если какая-то одна из двух возможностей лучше, но определенно не требуется, чтобы именно она была выбрана, то независимо от того, какой из поступков совершен, говорится, что он совершен по долгу; и если совершен лучший поступок, то существо, так поступившее, вознаграждается, ибо добровольно отдало Богу то, что лучше. Например, хотя девство и лучше брака, ни того, ни другого от человека не требуется однозначно, а и про того, кто предпочитает хранить девственность, и про того, кто ведет брачную жизнь, говорится, что он исполняет свой долг. Никто ведь не утверждает, что не должно хранить целомудрие или вступать в супружество. Нет, мы говорим, что чему человек отдает предпочтение до вступления в одно из этих двух состояний, то и составляет его долг; а если он сохраняет девственность, то за добровольный дар Богу может ожидать награды. Поэтому если, утверждая, что всякое создание обязано Богу поступать наилучшим, по своему разумению и возможности, образом, ты хочешь сказать "по долгу", а не подразумеваешь "если Бог так велит", то это не всегда верно. На самом же деле, как я уже показал, человек не обязан девственностью по долгу и, если таков его выбор, может вести брачную жизнь. Если же тебя смущает слово "должен" и ты не можешь не связывать с ним мысль о некоем долге, то узнай, что как "мочь" и "не мочь", а также "необходимо" говорится иногда не потому, чтобы эти понятия присутствовали в тех вещах, о которых идет речь, а потому что они имеются в чем-то ином, так же бывает и со словом "должен". Ведь когда мы говорим, что бедные должны получать милостыню от богатых, то это по-настоящему означает, что богатые обязаны подавать милостыню бедным, и в долг это вменяется не бедным, а богатым. О Боге же говорится, что Он должен править всеми, не потому что Он каким бы то ни было образом несет такую обязанность по отношению [ко всем существам], а потому что все должно Ему быть подчинено; и говорится, что Он должен сделать, что пожелал, потому что то, чего Он пожелал, обязано произойти. Подобным же образом когда какое-либо создание хочет сделать то, что в его воле - и сделать, и не сделать, - то говорится, что оно должно это сделать, потому что должно произойти то, чего оно захотело. Следовательно, когда Господь Иисус, как мы уже говорили, пожелал претерпеть смерть - а в Его воле было и пострадать, и не пострадать, - Он должен был сделать то, что сделал, потому что то, чего Он пожелал, должно было произойти; но и не был должен, ибо это не составляло Его долг. А так как Он и Бог, и человек в одном лице, то в качестве человеческой природы Он, сделавшись человеком, воспринял свое бытие от Божественной природы, отличающейся от человеческой, так что не был обязан ничего отдавать иначе, как по Своей воле, а в качестве лица все, что имел, получил от Самого Себя, и был, таким образом, совершенно самодостаточен, так что ничем никому не был обязан и ни в ком не нуждался.

Б. Теперь я ясно вижу, что Он никоим образом не по долгу, как вроде бы доказывало мое рассуждение, принес Себя в жертву, чтобы почтить Бога, и тем не менее должен был совершить то, что совершил.

А. А честь эта принадлежит всей Троице; поэтому, будучи Сам Богом и Сыном Божиим, Он ради чести Своей пожертвовал Собой Самому Себе так же, как и Отцу со Святым Духом, то есть Своим человечеством Своей Божественности, Которая одна и та же у Трех Лиц. Но для того чтобы, не отклоняясь от истины, яснее выразить нашу мысль, скажем, как принято, что Сын добровольно принес Себя в жертву Отцу - ведь таким именно образом всего удачнее и изображается весь Бог в одном лице, Которому Христос приносит Себя в жертву как человек, и вызывается в сердцах слушателей безмерное благоговение благодаря словам "Отец" и "Сын" - ведь это Сын таким образом умолял за нас Отца!

Б. С этим я весьма охотно соглашусь.

ГЛАВА 19 **ПО КАКОЙ ПРИЧИНЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СПАСЕНИЕ СЛЕДУЕТ ЗА ЕГО СМЕРТЬЮ**

А. Рассмотрим теперь, насколько в наших силах, почему отсюда следует спасение человека.
Б. К этому и стремится мое сердце. Я хоть и понимаю, кажется, но хочу, чтобы ты связал всю цепь рассуждений.

А. Не к чему объяснять, сколь драгоценно то, что Сын отдал добровольно.

Б. Это [и так] достаточно ясно.

А. И ты рассудишь, что тот, кто добровольно приносит Богу столь великий дар, не должен остаться без воздаяния.

Б. Напротив, мне представляется необходимым, чтобы Отец вознаградил Сына; ведь иначе Он окажется или несправедливым, если не захочет вознаградить, или немощным, если не сможет; а ведь то и другое чуждо Богу.

А. А когда кто-нибудь кого-либо вознаграждает, то или дает ему нечто, чего тот не имеет, или прощает долг, который может с него потребовать. Но еще до того, как Сын совершил столь великий подвиг, все, что имеет Отец, принадлежало Ему; и за Ним никогда не было долга, который можно было бы простить. Каким же образом вознаградить того, кто ни в чем не нуждается и кому нечего подарить или простить?

Б. С одной стороны, мне ясна необходимость вознаграждения, а с другой - невозможность; ибо и необходимо, чтобы Бог воздал Ему, и воздать нечем.

А. Если столь великая и столь необходимая награда не будет Дана ни Ему, ни иному, получится, что Сын напрасно совершил столь великий подвиг.

Б. Это грех и помыслить.

А. Следовательно, необходимо, чтобы награда была дана кому-то другому, раз Сыну ее дать невозможно.

Б. Такой вывод неизбежен.

А. А если Сын пожелает, чтобы должная Ему награда была дана кому-то другому, сможет ли Отец по справедливости запретить Ему это или отказать в награде тому, Кому передаст ее Сын?

Б. Напротив, я считаю и справедливым, и необходимым, чтобы Отец дал награду тому, кому захочет передать ее Сын: ведь и Сын волен подарить то, что принадлежит Ему, и Отец только другое лицо может наградить.

А. Кому же пристойнее всего передать плод и цену Его смерти, если не людям, ради спасения которых, как учит нас разум истины, Он вочеловечился, и которым, как мы сказали, Своей смертью подал пример стойкости в правде даже до смерти? Ведь люди впустую будут подражать Ему, если не сделаются соучастниками Его заслуги [meriti]. Да и кого справедливее может Он сделать наследниками [прощенного] долга, в котором Он не нуждается, и на кого излить от Своего изобилия, как не на сродников и братьев Своих, которых Он видел изнемогающими в пучине несчастий под гнетом бесконечного числа неоплатных долгов? Кому еще даровать и прощение долга за грех, и блаженство, которого они вследствие греха лишились?

Б. Мир ничего не может услышать разумнее, ничего сладостнее и желаннее! Я же в этом [рассуждении] обретаю столь прочную надежду, что и сказать не могу, как ликует мое сердце. Мне уже кажется, что Бог ни одного человека не отвергает, приходящего к Нему именем Христа.

А. Это так и есть - если так приходит, как подобает. А каким образом следует приступать к участию в столь великой благодати и как в ней следует жить, этому учит нас Святое Писание, опирающееся, как на прочное основание, на надежную истину, которую мы с Божией помощью в какой-то степени постигли.

Б. Воистину - все, что воздвигается на этом основании, стоит на неколебимой скале!

А. Я думаю, что хоть немного удовлетворил уже твою любознательность; правда, тот, кто мудрее меня, смог бы это сделать полнее, а разумные обоснования этого свершения и возвышеннее, и многочисленнее, нежели доступно моему уму, да и вообще уму смертных.

Очевидно, однако, что Бог никоим образом не нуждался в том подвиге, о котором идет речь - однако его требовала неизменная истина. Хотя и говорится из-за единства лица, что то, что

совершил этот человек, совершил Бог, однако Богу не было нужды сходить с небес, чтобы победить дьявола и бороться его праведностью ради освобождения людей - это от человека Бог требовал, чтобы тот победил дьявола, и чтобы оскорбивший Его грехом принес удовлетворение праведностью. Дьяволу же ни Бог ничего должен не был, ни человек - кроме разве что отмщения за поражение, понесенное от него; и то, что требовалось от человека, было долгом Богу, а не дьяволу.

ГЛАВА 20

СКОЛЬ ВЕЛИКО И СКОЛЬ СПРАВЕДЛИВО МИЛОСЕРДИЕ БОЖИЕ

Милосердие же Божие - за которое ты так опасался, что Думал даже, будто оно вовсе исчезло - оказалось, как мы обнаружили, рассматривая правду Божию и грех человека, столь велико и столь согласно со справедливостью, что Ничего милосерднее или справедливее и помыслить невозможно. Ведь разве удастся кому-нибудь представить себе нечто милосерднее, нежели эти слова Отца, обращенные к грешнику, который осужден на вечные муки и не имеет, чем от них откупиться: "Прими Единородного Моего и принеси за себя в жертву"? или эти слова Сына: "Возьми меня и выкупись на свободу"? А Они как бы говорят нам это, призывая и привлекая к христианской вере. Что же может быть справедливее, чем когда Тот, Кому приносится цена, превосходящая всякий долг, любой долг отпускает, если только подношение совершается с надлежащим чувством?

ГЛАВА 21

ОБРАЩЕНИЕ ДЬЯВОЛА НЕВОЗМОЖНО

Что же касается обращения дьявола, о котором ты спрашивал, то ты поймешь, что оно невозможно, когда вдумчиво поразмыслишь над обращением человека. Ибо как человек мог быть примирен с Богом лишь благодаря способному умереть Богочеловеку, праведностью Которого возвращено Богу то, что Он утратил из-за греха человека, так же и падшие ангелы могут спастись только Богоангелом, если бы тот был способен умереть и своей праведностью вернул бы Богу то, что похитила у Него греховность остальных [ангелов]. И потому же, почему человеку не подобало восстать иначе, как через человека своего же рода, а не только одинаковой природы, и из ангелов ни один не должен быть спасен другим ангелом - ведь они, в отличие от людей, не принадлежат к одному роду. Ибо ангелы не происходят все от одного ангела, как все люди произошли от одного человека. Это и устраняет [возможность] их восстановления, ибо как пали они без злого воздействия извне, так и подняться с чьей-либо чужой помощью не смогут - это для них невозможно. Ведь вновь обрести ту степень утраченного достоинства, на которой они находились бы, [не согрешив], они не могут, потому что тогда они стояли бы [в правде] безо всякой помощи, одной лишь силой, им [изначально] дарованной. Поэтому если кто-нибудь станет утверждать, что искупление, совершенное нашим Спасителем, когда-нибудь распространится и на них, то разум того убедит, что он неразумно заблуждается. Так я говорю не потому, чтобы цена Христовой смерти не превышала грехи и людей, и ангелов, - а потому что восстановление погибших ангелов противно непреложному разуму.

ГЛАВА 22

СКАЗАННЫМ ДОКАЗЫВАЕТСЯ ИСТИНА ВЕТХОГО И НОВОГО ЗАВЕТОВ

Б. Все, что ты говоришь, кажется мне разумным и неопровержимым; разрешив один предложенный тебе вопрос, ты, как я понимаю, доказал [истину] того, что заключено и в Новом, и в Ветхом Заветах. Ведь раз ты так убедительно доказываешь необходимость вочеловечения Бога, что даже если устранить немногие положения, взятые нами из Священного Писания - как, например, то, чего ты коснулся, говоря о Трех Лицах Божества и об Адаме, - то и тогда ты удовлетворительно ответишь, основываясь на одном разуме, не только иудеям, но даже и язычникам; и раз Сам Богочеловек основывает Новый Завет и

подтверждает Ветхий; и раз необходимо согласиться, что Он глаголет истину, - то никто не сможет опровергнуть, что истинно все, что заключается в обоих частях Писания.

А. Если мы сказали что-нибудь, что нужно исправить, я не отказываюсь от исправления, коли оно разумно обосновано; а если то, что мы обнаружили в разумном рассуждении, подкрепляется свидетельством истины, то приписывать это нужно не нам, а Богу, благословенному во веки веков. Аминь.